

АЛЕКСЕЙ ЗАМКОВОЙ

МАЙОРАТ
НА ДВОИХ

Алексей Владимирович Замковой
Майорат на двоих
Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6449752
Майорат на двоих: Центрполиграф; А.; 2014
ISBN 978-5-227-04866-0

Аннотация

Что делать братьям, чей дом сожжен, а дядя – единственный родственник – убит неизвестными? Что делать, найдя на пепелище тайник, долгие годы скрывавший свидетельства их благородного происхождения и права на майорат одного из домов, правящих миром Чаши? Покинуть лесную глушь и отправиться в большой мир. Взять то, что принадлежит им! Но свое право надо еще доказать. И выяснить, кто же из двоих братьев имеет право на майорат?

Алексей Владимирович Замковой

Майорат на двоих

Багровые отсветы озаряли ночное небо, словно солнце, хотя до восхода оставалось еще не менее трех часов, уже изготовилось показать край из-за далеких гор. Рев пламени погребальным гулом разносился в холодном ночном воздухе, и, сопровождая его, будто звон струн на хмельной пирушке, лязгала добрая сталь.

Высокий, статный мужчина выпрямился на отдаленном холме и посмотрел на запад, где, вопреки всем законам природы, занимался этот неестественный рассвет. Свет пожара на таком расстоянии не рассеивал ночные тени, однако и в темноте случайный наблюдатель, окажись он здесь, не смог бы не отметить гордую осанку этого человека. И несмотря на то что мужчина только что появился из узкого лаза, скрытого зарослями кустарника да огромными валунами, и имел не самый лучший вид – одежда разодрана, лицо и руки покрыты грязью вперемешку с сажей от загодя потушенного факела, а с правой брови тонкой струйкой стекает кровь от неудачной встречи с камнем в темноте, – любой увидел бы в нем благородного человека. Мужчина смотрел, как горит далекий замок, слушал звуки битвы и рев пламени, практически за-

глушающие вопли раненых и умирающих. Внезапно, будто опомнившись, он заозирался – нет ли кого поблизости? Судя по его настороженности, случайной встречи этой ночью он не желал. Настолько не желал, что убил бы любого, кто оказался поблизости. Либо пал сам, если бы не смог убить. Убедившись, что рядом никого нет, мужчина вновь обратил взгляд в сторону гигантского погребального костра, в который превратился замок и где сейчас сгорали его защитники.

Пламя взвыло, еще выше взметнувшись в небо. Чуть позже донесся грохот падающих камней и восторженный вой сотен глоток, радующихся фейерверку. Мужчина вздрогнул – похоже, обвалилась одна из стен, доселе сдерживавших напор врага. Он напряг глаза, но с такого расстояния не смог разглядеть ничего, кроме полыхающего замка.

Он должен был быть там! Пальцы сами собой сжались на рукояти меча, висевшего на широкой перевязи. Должен! Там гибнут его люди, его брат, единственный, кто еще жив – да жив ли? – из семьи... Новый звук – тихий всхлип за спиной. Рука разжалась, отпуская оружие. Нет, брат не единственный! Мужчина поправил объемистую котомку, примостившуюся у него за спиной рядом с еще двумя длинными мечами, рукояти которых выглядывали из-за плеч. Рука почувствовала, как что-то зашевелилось под тканью. Нет, он не один! Мужчина осторожно, словно легчайшую вазу подземного фарфора, какая стоила столько, что семье среднего достатка хватило бы безбедно прожить всю жизнь, но была так

хрупка, что ее легко проткнуть пальцем, снял свою ношу и опустил на землю.

– Сейчас, маленькие... – забормотал он, присаживаясь рядом. Размотав ткань, взгляделся в два маленьких свертка, которые можно было угадать лишь по очертаниям в свете звезд. – Сейчас...

Один из свертков вновь всхлипнул. Младенец заворочался, пытаясь выпростать туго стянутые пеленками ручки и ножки. Второй младенец лежал тихо – лишь глаза, поблескивающие в слабом свете, позволяли понять, что и он не спит.

– Тихо, ребятки! – Мужчина говорил нежно... Пытался говорить нежно. Голос его больше подходил для того, чтобы командовать в битвах или горланить развеселые песни в кабаках, но никак не для сюсюканья с детьми.

Вероятно, младенцы каким-то образом чувствовали, что их плач сейчас может привлечь врагов и оборвать только начавшиеся жизни, а возможно, просто ощутили присутствие родного человека, но даже ворочавшийся сверток, то и дело беспомощно всхлипывавший, послушно затих.

– Молодец! – одобрительно прошептал мужчина.

Он вновь уложил младенцев в котомку. Очень осторожно. Проверил, не пережимает ли ткань хрупкие тельца, не душит ли их, и водрузил груз себе на спину. Снова застыв у края холма, мужчина смотрел на запад, где огонь, радуясь пожизне, все ярче занимался над замком, а оружие звенело одновременно и погребальным звоном, и алчным предчувствием

крови.

– Когда-нибудь мы вернемся, – шепотом пообещал мужчина то ли себе самому, то ли своей ноше, то ли врагам, уже, несомненно, ворвавшимся в замок. – Вернемся и возьмем свое. Без всяких подачек!

Он еще недолго простоял на холме. Пары минут хватило, чтобы запечатлеть в памяти все происходящее перед глазами. Навсегда запечатлеть.

– Мы вернемся, – вновь пообещал он и, резко развернувшись, быстрым шагом пошел на восток.

– Фарри! Слов! – Хриплый голос едва слышен за стуком деревянных палок.

Двое юношей, достигшие уже того возраста, когда их перестали воспринимать как детей, однако еще не называют мужчинами, размахивали палками, изображая бой на мечах. Высокая трава вокруг них вытоптана, словно здесь промчался табун лошадей, сочащаяся влагой земля превратилась в грязное месиво. Клац-клац – стучат палки.

– Фарри! Слов! – Голос не сдается. – Хватит палками махать!

Юноши похожи друг на друга почти как две капли воды. Придирчивый взгляд, конечно, без заминки отыскал бы в них различия, но никто не усомнился бы, что перед ним братья. Оба среднего роста, черноволосые. У обоих правильное, благородного овала лицо, которое лишь чуть портит немного

крупноватый нос. Темные, почти черные глаза одновременно сверкают задором схватки и излучают настороженность, внимательно следя за соперником. Волосы у того, кто справа, чуть длиннее, чем у второго, еще немного – и достанут до плеч. Другой брат стрижен более коротко, зато может похвастаться небольшими усиками над верхней губой и короткой щетиной, тенью окутывающей скулы.

Запыхавшись после урагана ударов, так, впрочем, и не достигших цели, братья чуть отступили друг от друга, но «оружия» не опустили.

– Так, парни. – В голосе, зовущем их, послышалась нотка раздражения. – Если мне придется самому идти к вам...

– Дядя зовет, – тяжело дыша, произнес Слов, не отвлекаясь от плавно движущегося перед ним брата. – Надо ловушки проверить.

– Не раньше, чем я оставлю тебе такую же отметину, как ты мне только что. – На левом боку Фарри наливался большой синяк – след удачной атаки Слова.

– Бьюсь об заклад, что если мы сейчас же не откликнемся, – усмехнулся Слов, – то наши ребра украсит не одна такая отметина.

– Ты же не думаешь, что я позволю, чтобы у тебя было одним синяком меньше? – Фарри прыгнул к брату, занося палку.

Слов чуть отклонился в сторону, поднимая свое оружие. Кляц-кляц-кляц – снова защелкало дерево о дерево. Длин-

ный рубящий удар сверху вниз, которым атаковал Фарри, неожиданно сменился режущим – наискосок слева направо. Слов еле успел перестроиться, и его палка встретила палку брата всего в ладони от груди. Приземлившись, Фарри чуть присел и, будто освобожденная пружина, оттолкнулся ногами, всем весом наваливаясь на Слова. Тот, ожидая чего-то подобного, снова отступил, уйдя от толчка, и, развернувшись, оказался за спиной брата. Пинок под зад был не очень сильным, но, по инерции своего движения, Фарри покатился по земле.

– Милорд, вы смертельно ранены! – Слов отсалютовал палкой Фарри, который копошился в грязи, пытаясь встать, и захохотал: – Прямо в задницу!

– А вот я кому-то сейчас сам по заднице надаю! – Не дозвавшись братьев, дядя решил сам прийти к ним.

Смех мгновенно стих, будто его и не было вовсе. Слов и поднявшийся наконец-то с земли Фарри вытянулись перед дядей. Выражение лиц братьев было настолько невинным, что любой, кто не знал их, тут же усомнился бы, что они вообще могли в чем-то проштрафиться. Просто ангелы! Однако старый Алмостер Бровин отлично знал племянников. Знал он и это выражение, довольно часто посещающее лица Слова и Фарри. Особенно часто – Фарри.

Алмостер Бровин пребывал уже в том почтенном возрасте, когда большинство мужчин уходят на покой и коротают дни за кружкой пива, предаваясь воспоминаниям о ми-

нувших временах и обсуждению нынешних. Но это все не о нем. Старик напоминал корень дуба – чем старше становился, тем, казалось, выглядел крепче и жилистей. То же касалось и его характера. Если тело иногда уже подводило Алмостера Бровина – в чем он, следует сказать, отказывался признаваться даже себе самому, – то нрав его с каждым проживаемым днем становился все жестче. И в этом не раз приходилось убеждаться братьям, когда следовало наказание за проступки и шалости, свойственные их возрасту.

Ни отца, ни матери Фарри и Слов не знали. Сколько себя помнили, единственным их родственником был Алмостер Бровин. Их дядя. Впрочем, они даже не знали, с чьей стороны он им родственник. Со стороны отца или матери? Алмостер Бровин никогда не говорил о прошлом их семьи. Любой другой счел бы это странным, но не братья, ведь так было всегда. Конечно, временами их снедало любопытство, но после первого же вопроса Алмостер Бровин всегда находил какое-либо «полезное занятие», которое напрочь отбивало желание интересоваться родословной. Постепенно так и повелось. Двое братьев вместе с дядей жили в самой глуши, почти рядом со Стеной земель Дома Вудакс. Промышляли охотой, рыбной ловлей. Время от времени спускались по реке в небольшую деревеньку, которая даже не имела названия, чтобы обменять добытые шкуры на вещи, необходимые в хозяйстве. И не задавали неугодных дяде вопросов.

– Фарри, это что за представление? – Старик упер руки в

бока и насупленно глянул на одного из братьев.

– Мы просто тренировались, дядя. – Фарри безуспешно пытался счистить грязь с одежды. – Ты же сам говорил...

– Я знаю, что говорил! Что это был за прыжок?

– Ну-у-у... – протянул Фарри, оставив наконец одежду в покое. – Я думал...

– Ты думал тем местом, по которому получил пинок от брата, – перебил дядя. – И скажи спасибо, что это был только пинок, а не кинжал под ребра.

Он укоризненно покачал головой, глядя то на одного парня, то на другого. Братья стояли перед ним, всем своим видом выражая раскаяние. Немного портило картину только то, что Фарри потирал ушибленный сапогом Слова зад.

– Ладно, на охоту пора, – махнул рукой Алмостер Бровин. – Если через минуту вы не будете стоять передо мной, готовые идти в лес...

Последние слова были обращены в пустоту. Фарри и Слов будто испарились, исчезнув за углом дома. Алмостер Бровин нахмурился.

– Тренировались они... – буркнул он и глянул на стоявшее уже высоко солнце. – Вечером потренируетесь.

Лес был настолько густым, что пройти по нему хоть сотню шагов казалось подвигом. Деревья росли густо – толстые стволы стояли почти вплотную друг к другу, оставляя только небольшие просветы, в которые разве что лиса и протиснется. Там же, где расстояние между деревьями позволяло

пройти и человеку, царствовали густой кустарник, заросли высоких трав и конечно же вездесущий бурелом, которого кое-где было навалено чуть ли не на высоту человеческого роста.

Этот лес протянулся, как говорил Алмостер Бровин, больше чем на сотню верст с севера на юг, до самого Большого озера, на острове посреди которого расположилась столица Дома Вудакс, и еще больше – с запада на восток. Вечный лес – вот как его называют. Дядя рассказывал братьям, что именно этот лес и есть основа всего богатства Дома Вудакс. Он действительно был вечным. Нигде в землях Чаши растительность не была такой стойкой и не разрасталась столь быстро. Может, причиной тому было огромное количество болот и озер, из-за которых Дом Вудакс называли еще Озерным Домом, а может, было в этих местах нечто другое, особенное. Посаженное здесь дерево уже через год достигало таких размеров, как в других землях, по словам Алмостера Бровина, за десять лет. Хотя, по его же словам, деревья здесь росли самые обычные – как и везде. В итоге, когда практически все леса в Чаше оказались вырублены и превращены в поля, Дом Вудакс стал главным поставщиком древесины в Чаше. Как Дом Хорра – главным поставщиком железа, а Дом Кавер – товаров подземного народа.

– Слов, опиши Дом Хорра. – Алмостер Бровин всегда утверждал, что не стоит зря тратить ни секунды времени. Поэтому, пока они шли, дядя изводил братьев бесконечны-

ми вопросами.

– Дом Хорра находится южнее моря. На востоке граничит с Домом Варрайд, а на западе – с Домом Добфин. Столица Дома – Хоррхолл. Герб – на темно-синем поле три семиугольных золотых звезды. – Слов говорил легко и непринужденно, словно повторял не скучнейшие и никому не нужные, по мнению Фарри, сведения, а, напротив, рассказывал о чем-то приятном. – Основа богатства Дома Хорра – руда с Железных холмов. На землях дома находится три четверти всего запаса железной руды Чаши...

– Дядь, ну зачем нам это надо? – Фарри больше не мог слушать. Почему-то, стоило зайти речи о подобных вещах, как его сразу же неудержимо клонило в сон.

– Затем, что надо быть образованными людьми, – спокойно ответил Алмостер Бровин. – Вот представь себе – встретишь ты кого-то из членов Дома и, не разбираясь в цветах, неправильно назовешь его Дом...

– Кого в этой глуши встретишь? Сюда даже Искатели почти не забираются! – взвыл Фарри. – Чего это какая-нибудь благородная шишка будет шляться по болотам?!

– ...Если тебе повезет, – не слушая племянника, продолжал Алмостер Бровин, – и этой благородной шишкой окажется кто-то, например, из Гирайя, то он даже не обратит на твою ошибку внимания. Если, конечно, ты не перепутаешь его Дом с Бовкросами. Тогда он попросту выпустит тебе кишки, не хуже, чем какой-нибудь Вулхов. А почему?

– Потому что Дом Гирайя враждует с Домом Бовкрос из-за Северной реки, – ответил за Фарри Слов.

– Перепутай их... – проворчал Фарри. – Ясно же – если одет в белое, то Гирайя. Если в фиолетовое – Бовкрос.

– Вот, кое-что все же знаешь. – наставительно произнес дядя. – А говоришь – незачем.

Возвращались домой уже в сумерках. Настроение у дяди значительно улучшилось после того, как оказалось, что большая часть ловушек сработала и принесла им неплохую добычу. Семь великолепных водяных крыс и три бобра пополняют своими шкурами уже накопившийся запас, который Алмо-стер Бровин обменяет на припасы в следующий поход в деревню. В одну из ям попался кабан, который обещал превратиться в отличный ужин и вяленое мясо про запас. Вдобавок две сети, расставленные в небольшом озере, которые Алмо-стер Бровин проверил на обратном пути, оказались полны рыбы. В общем, настроение охотников поднялось настолько же, насколько тяжесть добычи оттягивала им руки. Правда, радость Фарри и Слова немного омрачало то, что именно им пришлось тащить кабанью тушу, но это была привычная работа.

По возвращении домой Алмо-стер Бровин не дал братьям ни минуты отдыха. Едва они остановились перед небольшим бревенчатым домом, служившим им жильем, дядя тут же принялся раздавать указания.

– Фарри, займись коптильной. – Положив на стоящий во

дворе стол тушки крыс и бобров, Алмостер Бровин потянулся, расправляя плечи, и подошел к кабану, которого ребята с облегчением бросили на землю. — Слов, поможешь мне снять с хряка шкуру.

Работа закипела. Пока Фарри разжигал огонь под коптильней, его брат и дядя быстро расправились с кабаном, разделив мясо на то, что пойдет на ужин сегодня, и то, которое займет свое место в коптильне. Слов при этом перемазался в крови так, что Фарри заржал, лишь увидев его.

— Раз у тебя такое хорошее настроение, — тут же отреагировал Алмостер Бровин, — значит, тебя не особо огорчит и чистка рыбы.

Смех тут же прекратился. Зато на губах Слова заиграла улыбка. Тяжко вздохнув, Фарри направился к корзине, полной рыбы.

Когда работа была закончена, стояла уже поздняя ночь. Желудки братьев громко урчали, требуя жареного мяса, аромат которого уже давно распространился по двору. Но дядя не подпускал их к очагу, зорко следя, чтобы никто «случайно» не забыл что-то сделать. Только когда почищенная рыба и свинина заняли свое место на коптильне, а шкурки бобров и крыс были вычищены и растянуты на рамах, Алмостер Бровин объявил, что пришло время ужинать. Возражений конечно же не последовало. Фарри и Слов, не теряя ни секунды, направились вслед за дядей, несущим миску с мясом и закипевший чайник, в дом.

Что может быть лучше ужина, особенно если этот ужин уже довольно поздний, и после насыщенного работой дня? Примерно такие мысли витали в головах братьев, устроившихся у пылающего камина с тарелками и кружками. Слов за обе щеки уписывал горячую свинину, закусывая ее испеченным утром хлебом и запивая обжигающим чаем. Фарри не отставал от него. Да и сам Алмостер Бровин всем своим видом излучал удовлетворение.

– Дядя, можно мы завтра потренируемся с настоящими мечами? – Фарри указал кружкой на два длинных меча, висевшие над камином. – А то с палками этими...

– Палками вы по крайней мере не настрогаете друг друга ломтиками. – Эту тему братья поднимали уже не в первый раз, но ответ Алмостера Бровина был всегда одинаков. – Боевое оружие предназначено для боевой схватки, а не для развлечения мальчишек.

– Хоть бы опробовать... – вздохнул Фарри.

Дядя никогда не разрешал им прикасаться к этим мечам. Даже чистил их сам. И хоть братьев всегда тянуло к оружию, они с самого детства усвоили, что лучше без разрешения его не трогать. Взбучка, устроенная Алмостером Бровином, когда Фарри и Слов еще не полностью осознали это правило, запомнилась им на долгие годы.

– Опробовать? Вот послушайте. Это еще до вашего рождения было... – Алмостер Бровин удобнее устроился в кресле. Как обычно, после ужина дядя приготовился рассказать

одну из историй, которых, похоже, у него было огромное количество, и рассказывал он их братьям с великим удовольствием. Впрочем, Слов и Фарри слушали эти истории с еще большим удовольствием – ведь в этом затерянном на самом краю мира доме, кроме хозяйственных дел, других развлечений они практически не знали. Была разве что парочка книг, но, во-первых, братья эти книги перечитали уже не один десяток раз, а во-вторых, описанное в книгах не могло сравниться с историями Алмостера Бровина. – Слов, принеси-ка мне пивка.

Парень спешно метнулся к бочонку и исполнил просьбу дяди. Но тот не спешил приступать к рассказу, наслаждаясь вниманием братьев и нетерпеливым выражением их лиц. Продолжил Алмостер Бровин только после того, как сделал пару больших глотков из поданной кружки. Пил он с таким выражением лица, словно это было крайне для него неприятно. Опустошив кружку лишь наполовину, Алмостер Бровин отставил ее в сторону.

– Пойло для скота... Но ничего лучшего... – пробормотал он и осекся, будто только сейчас заметив братьев. – Еще до того, как я пришел в эти места, случилось мне поучаствовать в одной войне. Помнится, я тогда был в лагере Боккенов – мелкого Дома, принадлежащего в ту пору Дому Вулхов. С кем же мы тогда воевали?.. – Алмостер Бровин на мгновение задумался, сделал еще глоток пива. – Точно! Жеданы тогда подумывали переметнуться к Варрайдам, а Вулховы,

чтоб выбить у них из головы подобные мысли, отправили на Жеданов пару своих вассалов. Боккенов, Тагиров и, по-моему, Скахедов. Жеданы тогда сильно пожалели, хе-хе, что не успели принести клятву Варрайдам, и те прямо не смогли их поддержать. Но Варрайды тоже отправили какой-то захудалый Дом на помощь Жеданам. Естественно, сделав при том вид, что ничего об этом не знают.

– Так что там случилось? – Фарри быстро надоели разговоры о политике. Кто кого поддержал, кто против кого выступил... Ведь гораздо интереснее слушать рассказ о битве, а не о политических финтах Домов!

Алмостер Бровин вздохнул и снова ненадолго замолчал, делая вид, что пиво интересует его гораздо больше, чем нетерпеливые взгляды племянников. Фарри и Слов ожидали продолжения молча – все равно дядя продолжит рассказ только тогда, когда сам сочтет нужным. В том, что продолжение будет, они не сомневались. Наконец, когда кружка опустела и Алмостер Бровин решил, что довольно уже мучить племянников, он снова принялся рассказывать:

– В общем, был у нас в лагере один паренек. Обычный ополченец – ничего особенного. Но, как все новобранцы, только надевшие форму, считал себя великим воякой, чуть ли не гвардейцем Великого Дома. Ходил он в новенькой форме по лагерю, гордый, как петух. Меч напоказ выставлял, хотя сам же о него спотыкался время от времени...

Дядя резко оборвал рассказ и уставился в окно. Слов рас-

крыл рот, желая что-то спросить, но не успел. Дверь сотряс мощный удар снаружи. Засов выдержал, но треск дерева не оставил никаких сомнений, что эта преграда задержит того, кто снаружи, ненадолго.

– Что... – Фарри привстал со своего места, но его слова потонули в грохоте нового удара.

Алмостер Бровин резко, будто распрямившаяся пружина, сорвался с кресла. В один прыжок он оказался возле камина. Слов и Фарри, немного запоздало последовав примеру дяди, тоже уже были на ногах. Алмостер Бровин сорвал мечи с крюков.

– Держи, – бросил он один Слову.

Парень, растерянно оглядывающийся то на дверь, то на дядю, еле успел поймать оружие.

Нового удара засов не выдержал. Дверь распахнулась, грохнув о косяк. Бесшумно, словно тень, в дом скользнула фигура, одетая во все черное. На миг незваный гость замер на пороге, оценивая обстановку в помещении, но и этого хватило, чтобы старик успел прыгнуть ему навстречу. «Почти как я утром!» – отметил Фарри, хватая кочергу – первое, что попало под руку.

В один миг все преобразилось. Слов замер, пытаясь переварить происходящее. Только что они сидели, отдыхая после длинного дня, слушали рассказ дяди... И вот уже дверь выбита, вместо воспоминаний о былом в комнате звучит ругань, за которую сам Алмостер Бровин хорошенько вымыл

бы с мылом рот любому из братьев, вперемишку со свистом и звоном железа. Когда именно началась схватка, Слов сказать не мог. Вот вроде только дядя прыгнул к темной фигуре на пороге, а вот уже там кружится какой-то бешеный танец. Еще и меч – настоящий меч! – так непривычно оттягивает руку...

С диким воплем, скорее для того, чтобы подбодрить себя, а не испугать врага, мимо промчался Фарри, заноса над головой кочергу. Только тогда Слов опомнился. Но не успел он закончить первый шаг, как раздался протяжный, исполненный боли стон. Кто?!!

Танец прекратился так же неожиданно, как и начался. Алмоштер Бровин стоял спиной к братьям, закрывая все, что творилось перед ним. Фарри только успел добежать до дяди, как тот чуть сместился в сторону. С меча Алмоштера Бровина падали на пол алые капли. Человек, одетый во все черное, с которым он сражался, медленно, держась за живот, повалился на бок. Фарри застыл, разглядывая дергающееся у его ног тело. Мгновение – и рядом оказался Слов, наконец-то пришедший в себя.

– Назад! – рыкнул Алмоштер Бровин, отталкивая Фарри в сторону. – Не вые...

Короткий протяжный свист, чмокающий удар...

– Дядя! – вскрикнул Слов, бросаясь к старику.

Пюшатнувшись, Алмоштер Бровин сделал шаг назад. Еще один... Из его груди торчало древко стрелы – непривычно

толстое, на взгляд Слова. Потянуло запахом дыма. Только сейчас Фарри заметил, что на земле снаружи, пока слабо, играют оранжевые отблески. Нос уловил запах дыма.

– Пожар... – прошептал Фарри, неуверенно глядя на дядю.

Новый свист. Срезав клочок волос с головы Фарри, пролетела мимо и вонзилась в стену еще одна стрела. Парень от неожиданности присел, непонимающе глядя на еще подрагивающее древко. В чувство его привел громкий треск и резанувший по ушам рык Алмостера Бровина. Фарри отпрыгнул, прижимаясь к стене возле двери. Дядя, выругавшись, отбросил в сторону отломанное древко стрелы. Запах дыма становился все сильнее. Фарри показалось, что он даже заметил язычок пламени, скользнувший сквозь щель в досках, перекрывавших потолок.

– Не зря я их учил... – еле слышно пробормотал Алмостер Бровин, а потом голос его окреп: – В доме оставаться нельзя – сгорим, как крысы.

Фарри глянул на окна и вздохнул. Если бы они были чуть больше! За дверью ведь неизвестный стрелок. И кто знает – может, он не один.

– А если выйдем, нас перестреляют, – на удивление спокойно отозвался Слов, невольно озвучивая мысли брата. Он стоял по другую сторону дверного проема, рядом с дядей, и хмуро пытался что-то рассмотреть в том небольшом куске двора, который открывался с его угла обзора. – Мы не знаем,

сколько их там...

– ...и кто они вообще, – добавил Фарри, глядя на дядю.

– Не время сейчас. Об этом позаботимся после. – Алмо-стер Бровин оглядел племянников и потрепал окровавленной рукой Слова по плечу. – Первым выхожу я. Не спорить! Вы двое сразу бежите в лес...

– Нет! – в один голос воскликнули братья.

– Я сказал – не спорить! – прикрикнул на них дядя. – Мне все равно далеко с этой раной не уйти...

Отвлечшись на разговор, Фарри еле заметил, как в дверь влетел новый нападающий. Еле успел выставить перед собой кочергу. Звякнула сталь, врезавшись в железный прут. Еще чуть-чуть... Что было бы, если бы «еще чуть-чуть», Фарри даже думать не хотел.

– Ах ты... – Скривившись от боли, Алмо-стер Бровин сделал выпад, но напавший на его племянника резко развернулся, и снова сталь зазвенела о сталь.

На этот раз Фарри успел. Как только дядя отвлек от него внимание, парень взмахнул кочергой. От удара по голове фигура в черном пошатнулась. Фарри снова занес свое оружие, но того мига, на который нападающий отвлекся, хватило, чтобы дядя успел проткнуть и этого. Однако этот удар отобрал у него слишком много сил. Схватившись рукой за грудь, в которой торчал обломок стрелы, Алмо-стер Бровин тяжело осел на пол.

– Под моей кроватью... – прохрипел он из последних

сил. – Доска, сразу у стены...

– Какая доска? – опешил Слов.

– Доска... Заберите обязательно... Если выживете... – Голос Алмостера Бровина ослабел настолько, что его слова были еле слышны. На губах его вздулся и лопнул кровавый пузырь. – Заберите... Ваш отец... Наследство...

Последнее слово сменилось громким стоном. Алмостер Бровин затих.

– Дядя? – Слов присел рядом с ним на корточки. – Дядя?!!

– Что о нашем отце? – вторил ему Фарри.

Но Алмостер Бровин уже не слышал. Из уголка его рта сбежала струйка крови. Ярко-алая, она резанула по глазам парней, выдавливая из них слезы. «Умер?» – беззвучный вопрос возник в этих глазах одновременно. «Умер...» – сами себе ответили глаза. Тело Алмостера Бровина, их дяди, который был единственным родным человеком, которого они знали, лежало неподвижно у их ног. А сверху, над головами, гудел, все набирая силу, пожар.

– Что будем делать? – Слов первым пришел в себя и отвел взгляд от тела дяди.

– Что? – пробормотал Фарри и закашлялся от едкого дыма, постепенно заполнявшего дом. Он глянул вверх. Потолок уже охвачен пламенем. Того и гляди, дом обрушится им на головы.

– Лови! – Слов поднял меч, выпавший из руки Алмостера Бровина, и бросил его брату. – Или ты кочергой драться

будешь?

Фарри потрянул головой, приводя мысли в порядок, и взял упавший у его ног меч. Дядя тренировал их с самого детства. На палках, не позволяя прикасаться к настоящему оружию, но тренировал. Предвидел ли он все, что происходит сейчас? Было ли это просто игрой, как всегда выставлял их тренировки Алмостер Бровин? Меч непривычно оттягивал руку. Непривычно блестел в свете пламени...

– Что за наследство, о котором говорил дядя? – спросил Фарри, задумчиво глядя на меч в своих руках.

– Я знаю не больше твоего, – огрызнулся Слов. – Но знаю точно, что если мы не начнем шевелиться, то...

Он не договорил. И так все понятно. Снаружи поджидает неизвестный стрелок, и благо, если один. Внутри вскоре воцарится огненный ад... Двое парней застыли над телом дяди, не зная, как поступить. Был бы жив дядя – уж он всегда знал, что делать!

– Я посмотрю, что там у дяди под кроватью, – неожиданно уверенно сказал Слов. – Ты пока смотри за дверью. Если что...

– Куда! Там уже, наверное, все в огне! – опешил Фарри. – Дом вот-вот обрушится! Надо...

– Смотри за дверью! – крикнул Слов, не слушая брата, и бросился через всю комнату.

Свистнула еще одна стрела, но выстрел снова оказался неудачным. Выругавшись вслед брату, Фарри обратил все

свое внимание на дверной проем. И сделал он это вовремя.

Слов пинком распахнул дверь, ведущую в спальню, и отпрянул от волны жара, хлынувшей ему навстречу. Здесь огонь уже бушевал вовсю. Языки пламени лизали стены, с потолка сыпались искры, а дым практически не давал что-либо разглядеть. Слов замер в нерешительности. «Ваш отец...» – вновь зазвучали в его голове последние слова дяди. Отец. Братья никогда не знали своего отца. Сколько они себя помнили – рядом был только Алмостер Бровин, а тот от любых разговоров о семье всегда уклонялся. «Наследство...» Слов сжал зубы и бросился сквозь огонь к дядиной кровати, еле видневшейся в дыму.

Едва брат скрылся в спальне, еще один убийца перепрыгнул через тела своих товарищей. На этот раз Фарри был наготове. Первое смятение прошло, а гибель дяди вселила в него такую злость, что парень, едва увидев перед собой цель, тут же с криком бросился на врага. Он даже не задумался над тем, почему этот человек ворвался в горящий дом, почему он не дождался, пока обгоревшие остатки дома обвалятся, похоронив под собой всех находящихся внутри. Главное – перед ним один из тех, кто убил его дядю, поджег его дом и походя разрушил всю привычную жизнь.

Длинный выпад, одновременно – уход, чуть ли не перекатом, от ответного удара. Вражеский клинок прошел близко... Слишком близко! Звон стали, когда Фарри рубанул врага, держа клинок параллельно земле. Парень не был ма-

стером меча. Однако, по каким-то своим соображениям, Ал-мостер Бровин с самого детства обучал их с братом. Палки, конечно, не мечи, но под руководством хорошего учителя натренироваться в фехтовании можно и ими. И они со Словом освоили мастерство. Учились, потому что, кроме всего прочего, это было одним из немногих развлечений, доступных в лесной глуши. И теперь все те синяки, полученные Фарри от брата в тренировочных боях, а также те, которые он сам поставил Слову, оправдали себя.

Удар – удар – блок – удар – блок – блок... Сталь звенела, заглушая гул огня и треск бревен, начавших уже прогорать и подающихся под собственным весом. Глаза незнакомца удивленно расширились – он явно не ожидал встретить такой отпор от парня, только вышедшего из детского возраста. Удар – блок – удар... Убийца оказался слишком опытным противником. Фарри вскрикнул, когда меч незнакомца чуть не отсек ему руку. На предплечье налился кровью длинный порез. Вложив всю свою злость, Фарри сделал выпад, целясь в живот противника. Но тот небрежно отбил клинок парня в сторону. Следующий удар должен прикончить мальчишку...

Слов, задыхаясь в дыму, отодвинул дядину кровать. Доски пола под ней уже разгорались, плюясь искрами и выпуская тонкие усики сизого дыма. Крайняя доска... Слов бросил на пол одеяло, прибивая огонь, и упал на колени. Вот эта доска, но что с ней делать? Обжигая пальцы, он ощупал пол в поисках... В поисках чего? «Наследство...» Доска чуть по-

далась под пальцами. Слов заметил небольшую, как раз просунуть лезвие ножа, щель между этой доской и стеной. Для меча щель оказалась узковата, но с третьего раза Слов все же сумел поддеть доску и, надавив, отбросить ее в сторону. В нише лежал какой-то сверток. Огонь добрался уже и сюда. Ткань, в которую было завернуто то, что прятал Алмоштер Бровин, кое-где тлела. Слов схватил сверток и, на ходу сбилая с него огонь, бросился прочь из спальни. Едва перескочив порог, он увидел, как брат, роняя капли крови с порезанной руки, вскрикнул и выбросил руку с мечом в живот человека в черном.

Убийца поднял меч, намереваясь одним ударом покончить с Фарри. На его губах зазмеилась улыбка, не предвещающая парню ничего хорошего. Острие его меча сверкнуло алым, отражая свет пожара, – словно тоже улыбалось, готовясь вонзиться в мягкую плоть. Фарри в ужасе не мог отвести глаз от блестящей стали. Вдруг незнакомец содрогнулся всем телом и застыл. Парень увидел, как из живота его вырастает острый кусок железа. Еще мгновение понадобилось Фарри, чтобы заметить стоящего за спиной убийцы брата.

– Чего разлегся? – Тело еще не успело упасть, когда Слов протянул брату руку. – Давай, живо!

Схватившись за протянутую руку, Фарри вскочил, и братья опрометью бросились вон из горящего дома. В лес, подальше отсюда! Они даже не оглянулись, когда сзади раздался громкий треск рушащегося строения, а вокруг заиграли

причудливые тени от взметнувшегося в самое небо пламени. Братья бежали, словно за ними гналась сама смерть. Хотя, может, так все и было? Бежали, продираясь сквозь кусты, чудом не переломав ноги о выступающие из земли корни. Остановились они только тогда, когда вокруг них не было ничего, кроме темного леса, а зарево оставшегося позади пожара стало всего лишь отсветами в ночном небе.

– Стой! – прохрипел Фарри, дернув Слова за руку.

Парни упали на землю, тяжело дыша и не прекращая оглядываться туда, откуда только что прибежали. Сквозь шум в ушах и хрипы в легких они прислушивались – не идет ли кто следом, но ничего, кроме звуков ночного леса, не слышали.

– Дядя... – тихо произнес Фарри, когда они чуть отдышались. – Он...

– ...Мертв, – закончил за брата Слов.

Снова повисла тишина. Каждый пытался осознать, что же только что произошло. Понять, из-за чего этот обычный вечер, такой же, как все в их жизни, внезапно превратился в кошмар. Но ни одному из братьев не приходило в голову ничего, кроме одной мысли – «Дядя мертв».

– И что теперь? – снова нарушил тишину Фарри. – Слов, что делать будем?

– Надо идти в деревню, – немного подумав, произнес Слов. – Там люди...

– А на нас что – звери напали? – тихо спросил Фарри. – По мне, так жили мы здесь сами, без людей, и дальше неплохо

было бы.

– Как ты себе это представляешь? – фыркнул Слов. – Будем дом заново отстраивать? А если те, кто напал на нас, вернуться?

Фарри промолчал. Его взгляд упал на обгоревший сверток, лежащий возле ног брата. Хотя мысли его были далеки от любопытства, чисто автоматически он спросил:

– Что там?

Слов тоже взглянул на сверток. Какое-то время братья тупо смотрели на него, пока Слов не принялся разворачивать ткань.

– Темно, – сказал он. – От луны света недостаточно.

– Огоньку бы, да? – нервно хохотнул Фарри, но быстро взял себя в руки. – Погоди, у меня где-то огниво было.

Дождавшись, когда небольшой огонек, разожженный Фарри из мелких веточек, хоть как-то осветит сверток, Слов развернул и аккуратно расстелил на земле укрывающую его ткань. Ничего особенного перед братьями не появилось. Хотя кто скажет, чего они ожидали? Пухлый мешочек, звякнувший, когда Фарри тронул его пальцем, обгоревший свиток, небольшая книжица в кожаном переплете – вот и все, что, по словам покойного Алмостера Бровина, было их наследством. Все, из-за чего Слов рисковал сгореть заживо в охваченной огнем спальне.

– И что нам с этим делать? – недоуменно спросил Фарри.

Слов пожал плечами и поднял мешочек. Когда завязки

были распущены, в слабом свете заблестел желтый металл.
– Золото! Погоди, тут что-то еще.

Позвякивая монетами, Слов вытащил из мешочка тяжелый золотой перстень. На прозрачном камне, украшавшем его, было вырезано какое-то изображение, но для того, чтобы разглядеть его, света оказалось слишком мало.

– Слов... – Голос Фарри прозвучал настолько странно, что брат тут же отвлекся от разглядывания перстня.

Фарри держал в руках развернутый свиток, внимательно изучая его в свете гаснущего костерка. Прямо посередине большого листа бумаги зияла неровными черными краями прогоревшая дыра.

– Слов... – повторил Фарри и протянул свиток брату.

Тот осторожно взял свиток и всмотрелся в тронутую огнем, пожелтевшую от времени бумагу.

– «Я, Сам Бровин Грах-Дормайл, глава Дома Дормайл, милорд замка Дормайл, города Амилон, деревень Зыбь, Луг Покета, Сабова, Кроты и Золотая, – вслух прочитал Слов, – а также находящихся вблизи последней рудников, верный вассал и капитан третьей сотни гвардии Великого Дома Бовкрос, объявляю о том, что отрекаюсь от всех титулов и владений в пользу своего старшего сына... Сыну, когда тот достигнет подходящего возраста, оставляю две тысячи золотых и наказ вступить в гвардию Великого Дома Бовкрос, служить с честью, достойной Дома Дормайл и всех его предков. До достижения совершеннолетия моего старшего сына протекто-

ром Дома Дормайл назначаю своего брата, Алмостера Бровина Дормайла. Да будет так...»

Тишина, сгустившаяся, стоило лишь смолкнуть последнему слову, давила на уши, словно была вполне материальной. Схватка, пожар – все вдруг как-то размылось, словно произошло не полчаса назад, а когда-то очень давно. Слова, написанные красными чернилами на свитке, кружили хороводы в головах братьев. «Глава Дома Дормайл...», «...старшему сыну...», «...своего брата, Алмостера Бровина...». И слова дяди, произнесенные им вместе с последним дыханием, – «...Отец...», «...наследство...».

– Это что получается?.. – Слов икнул и снова уставился на свиток, словно пытаюсь прочесть там что-то еще.

– Слушай... – Голос Фарри звучал хрипло. Он прокашлялся. – Алмостер Бровин Дор... Дормайл? Значит, насчет наследства...

– ...это – про нас, – закончил за брата Слов.

– А кто из нас старше?

Братья посмотрели на прожженную дыру в бумаге, на том месте, где огонь съел имена наследников, а потом перевели взгляд друг на друга.

Фарри открыл глаза только после полудня. Они с братом проговорили полночи, пока глаза не отказались открываться, а языки не стали заплетаться. Первоначальное возбуждение схлынуло, и усталость взяла свое. Фарри попытался

вспомнить, когда же он успел заснуть. На ум приходили только вчерашние события и обрывки разговора с братом.

– Я думал, ты решил до самого вечера проспаться. – Голос Слова звучал устало, но, похоже, он уже давно не спит.

– Я бы и проспал. – Фарри зевнул и с трудом поднялся. – Вчера, знаешь ли...

– Знаю! – перебил Слов. – Теперь надо решить, что делать дальше.

Фарри задумался. Что дальше? Вроде вчера обсуждали это...

– В деревню идти надо, – неуверенно произнес он.

– Надо, – согласился Слов. – Хотя я вот думаю – что, если те, кто на нас напал, не одни?

– Не одни? – Фарри уставился на брата. – Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что если вчера на нас напали трое, то могут быть и другие. И они могут поджидать нас именно в деревне.

– Почему в деревне?

– Фарри, ты проснулся? Тебя, случайно, по голове вчера не ударили? – Слов с досадой хлопнул рукой по колену. – Здесь на десять верст в любую сторону, от самой Стены, никакого другого жилья, кроме нашего и деревни! Где еще нас поджидать?

– Во-первых, – немного помолчав, медленно произнес Фарри, – мы не знаем точно, охотится ли за нами еще кто-то.

Мы вообще не знаем, охотились ли те трое именно за нами!

– Нет, это обычные разбойники! – язвительно ответил Слов. – И напали они на нас ради шкур, припасенных дядей.

При упоминании покойного Алмостера Бровина настроение братьев резко упало. На какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая только пением птиц и жужжанием вездесущих насекомых.

– Дядю надо похоронить, – тихо сказал Фарри.

– Думаю, его тело сгорело в том пожаре... Но ты прав. Мы не можем оставить его просто так.

– Значит, возвращаемся домой, – решил Фарри, – похороним дядю, а потом уже решим, что дальше.

К дому ребята подбирались осторожно, словно к оленю на охоте. Ни одна ветка не треснула под их ногами, ни одна травинка не зашелестела. Для тех, кто всю жизнь провел в лесу, это было несложно, но мысль о том, что кто-то может поджидать их здесь, держала в постоянном напряжении и заставляла удвоить усилия. Глазам братьев открылось пепелище того, что еще вчера было их домом. Черная груда обугленных бревен, над которыми все еще поднимался дым, ничем не напоминала тот аккуратный домик, который вчера стоял здесь. И совсем дико смотрелись на этом фоне уцелевшие стол, вкопанный в землю перед домом, коптильня и небольшой сарайчик, стоявший чуть в стороне.

– По-моему, никого нет, – прошептал Слов после нескольких минут, которые братья провели, лежа в кустах и наблю-

дая за пепелищем.

– Пошли? – Фарри медленно поднялся и настороженно выставил перед собой меч.

От пепелища до сих пор шел жар. Угли, присыпанные пеплом, все еще тлели, а дым, поднимающийся над ними, начал есть глаза, уже когда Фарри и Слов приблизились к остаткам дома на пять шагов. Какое-то время они продолжали ози- раться по сторонам.

– Никого, – наконец сказал Фарри.

Слов опустил меч и подошел к тому месту, где раньше на- ходилась дверь. Где-то здесь, слева от двери, должны лежать останки Алмостера Бровина... Слов поднес руку к лежаще- му на самом верху здоровенному куску угля, в который пре- вратилось одно из бревен. Слишком горячо, чтобы прика- саться голыми руками.

– Посмотри в сарае, – сказал он брату. – Нужны длинные жерди, чтобы разворошить эти головешки.

Фарри кивнул и убежал к сарайчику. Слов, кривясь от жа- ра, присел на корточки.

– Прости, дядя... – сказал он. Почему-то ничего больше, кроме этих слов, не приходило ему в голову. – Прости...

– Вот, должно подойти. – Фарри вернулся быстро. В руках он держал две лопаты.

Слов посмотрел на меч брата, небрежно заложенный за пояс.

– Ножны нужны, – сказал он, кивнув на оружие. – А то

отрежешь себе чего-нибудь ненароком.

Братья принялись за работу. Вдвоем они поддели лопатами и откатали в сторону почти прогоревшее бревно, разбили другое, превратившееся в угли. Работали быстро, время от времени поглядывая на лес – не появится ли кто? После очередного взмаха лопаты в сторону откатился один из углей. У Фарри перехватило дыхание – на него смотрел пустыми глазницами покрытый черными наростами обуглившейся кожи обгоревший череп.

– Дядя? – прошептал он.

Желудок Фарри не выдержал. Он отвернулся, извергая на землю все съеденное вчера за ужином. Судя по звукам, Слов тоже не отличался сильным желудком.

– Это... Это может быть, – вытирая рот, прокаркал Слов, – один из тех...

Фарри немного пришел в себя и кивнул. Молча они снова взялись за лопаты. Слезы застилали глаза, заставляя мир вокруг расплываться. Жар от пепелища тут же иссушал эти слезы, а зола, поднятая в воздух, покрыла лица братьев грязной маской. Стиснув зубы, они продолжали работу до тех пор, пока не расчистили то место, где, как помнили, должен был лежать Алмостер Бровин, а у их ног не собралась куча обгоревших костей.

– Хватит. – Тяжело дыша, Слов оперся на лопату и взглянул на солнце. – Давай теперь вон там могилу выкопаем.

Еще около получаса ушло на то, чтобы выкопать яму.

Неглубокую, всего лишь по колено. Аккуратно, словно боясь, что кости рассыплются от прикосновения, братья положили в нее останки и замерли, не зная, что делать дальше. Точнее – что сказать? Оба понимали, что надо произнести какую-то речь, но что говорят в таких случаях, ни один из братьев не знал.

– Прощай, дядя, – наконец прошептал Фарри. – Мы...

– Мы узнаем, кто стоит за всем этим, – твердо сказал Слов. – И отомстим.

Когда на месте могилы образовался небольшой холмик, Слов отбросил лопату в сторону и, не говоря ни слова, пошел к сараю. Фарри непонимающе смотрел ему вслед. Брат вернулся быстро, неся в руках доску и нож, которым раньше они снимали шкуры с добытых животных.

– Хочу вырезать имя дяди, – пояснил он.

Фарри кивнул. Он молча наблюдал за работой брата. За тем, как на гладкой доске появляются буквы. «Алмоштер Бровин Дормайл».

Закончив похороны дяди, братья, после недолгого разговора, решили все же направиться в деревню. Фарри быстро собрал все, что, как он предполагал, понадобится в дороге. Пока он загружал мешки копченым мясом и рыбой, отбирал всякие полезные мелочи, уцелевшие в сарае, Слов смастерил из толстой веревки петли, в которых можно повесить мечи на пояс, – плохая замена ножнам, но не тащить же мечи в руках! К сожалению, луки братьев сгорели вместе с домом.

Солнце уже повисло над горизонтом, когда братья покинули свой разоренный дом. Небольшая лодка, спрятанная в кустах, оставалась на своем месте. Путь пешком занял бы слишком много времени и отнял бы много сил. В этих краях, густо усеянных озерами, испещренных лабиринтом рек и болот, вообще мало кто ходил пешком на большие расстояния. Ведь гораздо удобнее, когда вода сама несет тебя туда, куда ты стремишься. В последний раз взглянув на родной берег, Слов отпихнул лодку, в которой уже сидел брат, ногой и запрыгнул в нее сам.

– Думаю, не стоит долго в деревне задерживаться, – произнес через некоторое время Фарри.

Слов молча кивнул, подправляя веслом курс. Мимо проплывал девственный лес, тянувший свои зеленые руки к самой воде. В переплетениях корней хором пели жабы.

– Прикупим необходимое, – продолжил Фарри, – и отправляемся дальше. Думаю, лучше всего нам потом не останавливаться до самого Этвуда.

– Не получится. Или ты знаешь дорогу до Этвуда?

– Узнаем в деревне.

– Если там кто-то ее знает, – согласился Слов. – Но ты прав. Этвуд должен быть большим городом, где мы сможем затеряться.

– Затеряться? – Глаза Фарри загорелись. – Вот чего уж я делать не намерен! Или ты хочешь оставить все как есть?

– Не собираюсь. Я хочу отомстить за дядю. И хочу вернуть

то, что принадлежит нам по праву.

– Хорошо бы еще знать, что и кому принадлежит по праву, – пробурчал Фарри. Его запал угас так же резко, как и появился. – Слушай, а что мы с наследством будем делать?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты у меня спрашиваешь? По-моему, Слов, это ты у нас всегда проявлял больше интереса к учебе. – Фарри достал из мешка свиток, спасенный от огня, и потряс им перед носом брата. – По этой бумаге, один из нас получает замок, город, села и рудники, а другой – две тысячи монет. Так кто из нас будет главой Дома Дормайл, а кто отправится в гвардию Бовкросов?

– По закону майората наследство получает старший сын... – задумчиво произнес Слов.

– Тут так и написано! – перебил его Фарри. – А кто из нас старший сын? Огонь проделал дыру в свитке как раз там, где были наши имена!

– Мы родились в один день. – Слов отмахнулся от брата, тычущего ему свитком прямо под нос. – Но это не имеет значения. «В наследование вступает старшее чадо мужеского рода, без различия – родилось ли оно на год или на минуту ранее остальных. Ежели чадо, имеющее право на наследование, умрет до вступления в свои права или после, не имея своих наследников, то право наследования переходит к следующему по старшинству его брату».

– Почему дядя никогда не говорил нам, кто из нас стар-

ше? – Фарри снова спрятал свиток в мешок.

– Об этом мы уже не узнаем. Фарри, давай договоримся, что, независимо от того, кто из нас имеет право на это наследство, мы не будем из-за этого ссориться.

– Слов, неужели ты думаешь, что я...

– Мы остались вдвоем, Фарри. Понимаешь? – Слов взял брата за руку. – Ни одного родного человека, кроме друг друга, у нас нет.

– Слов, я бы никогда не выступил против тебя, – голос Фарри прозвучал еле слышно, а на глазах выступили слезы, – даже если бы на кону стоял Великий Дом, со всеми его землями, вассалами и местом в Совете Домов.

– Я тоже, – так же тихо произнес Слов.

– Слушай, а что нам долго думать? – неожиданно весело сказал Фарри. – Давай просто договоримся, что поделим все пополам.

– Майорат не делится, – покачал головой Слов, а потом тоже улыбнулся. – Но ведь управлять им можно и вместе.

Какое-то время они плыли в полном молчании, размышляя каждый о своем.

– Осталось только сообразить, – сказал вдруг Слов, – как доказать, что речь в свитке идет именно о нас.

Этой ночью ни Фарри, ни Слов так и не смогли заснуть. Хотя ночевать в лесу им было не впервой, все вокруг казалось зловещим. Знакомые с самого детства деревья приобрели во тьме пугающие черты. Самые обычные звуки ноч-

ного леса заставляли вздрагивать. Что это? Какой-то зверек шуршит в кустах или подкрадывается убийца? Фарри при каждом звуке тревожно вскидывался, сжимая рукоять меча. Лишь убедившись, что опасности нет, он вновь опускался на расстеленный плащ. При этом Фарри замечал блеск глаз брата в угасающем свете углей костра. После всего этого стоит ли удивляться, что утро Слов и Фарри встретили с великим облегчением. Настроение их после ночи, наполненной кратковременным забытием, прерывающимся тревогой, было скверным. Да и физически братья чувствовали себя разбитыми. Едва забрезжил рассвет, Фарри и Слов с радостью покинули место ночевки, продолжив свой путь.

Для Фарри и Слова деревня всегда была просто деревней. Даже если она и имела какое-то название, в чем никто из них не был уверен, то братья его не знали. Здесь они бывали и раньше. Пусть Алмоштер Бровин и нечасто появлялся в деревне, но всегда брал племянников с собой. Обычно они приезжали сюда, когда скапливалось достаточно шкур, чтобы загрузить лодку. Шкуры меняли на муку, крупы, гвозди, разный инструмент и прочее, что могло пригодиться в хозяйстве. А еще они приезжали сюда на праздники. Фарри и Слов всегда с нетерпением ждали этого. Музыка, танцы... Один раз, несколько лет назад, здесь оказался даже менестрель! Тогда, вспомнил Фарри, они раскрыв рот слушали сказания об Искателях, уходивших в горы Стены в поисках прохода, ведущего в иные земли, которые, они верили, существуют за

пределами Чаши, о битвах и приключениях... Здесь у парней были не друзья – они слишком редко бывали в деревне, чтобы завести настоящую дружбу с кем-то из местных, – но знакомые, а когда Фарри и Слов повзрослели достаточно, чтобы обратить внимание на девушек, появились и симпатии.

Когда за очередным поворотом показался небольшой дощатый причал, пальцем вонзившийся в полотно реки, Слов уверенно направил к нему лодку. Вот и первые дома – больше их собственного, сгоревшего, крытые шапками тростниковых крыш, пускающие в небо ленты дыма из труб. Причал жалобно скрипнул, когда Фарри выпрыгнул из лодки и стал привязывать ее к одной из опор.

– Никак Фарри и Слов пожаловали? – зазвучал надтреснутый старческий голос, когда Фарри подал брату руку, чтобы помочь выбраться из лодки. – Здорово, ребята! Как там Алмостер?

Рядом с причалом, спрятавшись за свисающими до самой воды ветвями дерева, сидел на чурбачке седой как лунь старик. Увидев братьев, он отложил в сторону удочку, вынул из беззубого рта трубку и, побряхывая, встал.

– Добрый день, господин Болвин. – Фарри помахал рукой в ответ. – Дядя...

– Ему нездоровится, – быстро сказал Слов. – Послал вот нас кое-чего прикупить. А у вас тут как дела?

– Нездоровится? – Старый Болвин покачал головой и пых-

нул трубкой. – Годы, годы... Никто из нас не молодеет... Как могут быть дела у старика, ребята? Греюсь на солнышке да рыбу ужу.

– А новости какие в деревне?

– Да какие тут новости! – махнул рукой старик, усаживаясь обратно и снова беря в руки удочку. – Только неделю назад трое Искателей проходили, да и они не задержались.

Фарри и Слов переглянулись.

– Искатели? – осторожно спросил Фарри. – Трое?

– Ну да! Знаете, есть такие дурни, которые все по Стене шарят – проход, видите ли, ищут. – Болвин мелко закивал. – Лазят по горам, лазят – а что в итоге? Сворачивают свои дурные бошки на скалах, и все!

Слов толкнул брата, напряженно глядящего на старика.

– Они это или нет, но надо держаться так, чтобы не навлечь на себя подозрений, – шепнул он.

Фарри кивнул и взвалил на плечи один из мешков, вытащенных из лодки.

– Хорошего вам дня, господин Болвин! – Братья направились по поскрипывающему настилу к берегу.

– Ага, и вам того же, ребятки. – Старик забросил удочку и уперся взглядом в поплавок. – Алмостеру, того, привет передавайте.

– Не повезло, что старик там сидит, – шепнул Фарри, когда они с братом отошли на достаточное расстояние, чтобы не быть услышанными.

– Почему? – так же шепотом спросил Слов.

– Сам подумай! Если бы мы домой возвращались, когда здесь все закончим, то плыли бы куда? Вверх по реке! А нам-то надо в другую сторону!

– Ну и что?

– Как что? – Фарри удивился непонятливости брата. – Старик Болвин – глазастый! Говорю тебе – как заметит, что мы поплыли не в ту сторону, так сразу что-то заподозрит!

– Ну и что? – повторил Слов и, глядя, как Фарри покраснел от злости, тут же добавил: – Нам все равно придется вопросы задавать. Думаешь, никто ничего не заподозрит, когда мы спросим, как добраться до Этвуда?

– Ну да... – тут же сник Фарри. – Не подумал.

– Ты лучше подумай, что нам купить надо.

Пока братья шли к дому Грега Сомика, который приторговывал кое-какой мелочью, купленной у местных мастеров и заезжих торговцев, время от времени забирающихся и в такую глухомань, они встретили еще нескольких знакомых. В том числе и Малу – девушку, к которой Слов испытывал определенный интерес. Но с расспросами, чего боялись Слов и Фарри, к ним никто больше не приставал. Все ограничилось приветствиями и лукавой улыбкой Малы, прекрасно знающей о чувствах к ней Слова, которая вогнала парня в краску по самые уши. Наконец в конце улицы показался дом господина Сомика. Сам хозяин сидел на низенькой лавочке возле порога и строгал ножом какую-то деревяшку.

– Привет, парни! – Взгляд Грега Сомика задержался на мече, висящем на поясе Фарри. – А где Алмостер?

– Дядя заболел, господин Сомик. – Слов чуть поклонился. – Отправил нас купить кое-что.

– Купить? – задумчиво спросил Сомик, снова глянув на мечи братьев. – Ну, давайте показывайте, что принесли. И говорите, чего хотите взамен.

Тут Фарри пожалел, что, когда собирал вещи в дорогу, совершенно не подумал о том, что Алмостер Бровин за все купленное в деревне рассчитывался шкурами животных. Шкурто он не захватил с собой!

– Мы расплатимся деньгами, – неуверенно сказал Фарри.

– Деньгами? – нахмурился Сомик. – Алмостер Бровин всегда приносил мне отличные шкуры. С чего бы это он отправил вас ко мне с деньгами?

Братья одновременно пожали плечами. Как выпутаться из этой ситуации? Все надежды на то, что их появление не вызовет подозрений, разом рухнули.

– Шкуры... это... – залепетал Слов, лихорадочно пытаюсь придумать какую-нибудь отговорку. – Дядя...

– Дядя сказал, что шкуры потом привезет, – нашелся Фарри. – Ловушки уже месяц как почти пустые...

– Потом, да? – Грег Сомик поднялся и расправил плечи. Он не отличался слишком крепким телосложением, но был на голову выше Фарри и Слова. – Думаю, парни, вы что-то темните.

Фарри снова открыл рот, но Сомик поднял руку, не давая ему сказать ни слова.

– А еще я думаю, что вы просто сбежали из дома, – продолжил он суровым голосом. – Где вы взяли деньги и те мечи, что у вас на поясах висят, я не знаю и знать не хочу. Пусть с вами Алмостер разбирается. А теперь я кликну Семака – пусть он проследит, чтобы вы оба вернулись домой... А ну стойте!

Фарри и Слов, не сговариваясь, стали потихоньку сдавать назад. Как только Грег Сомик заметил это и прикрикнул на них, парни развернулись и опрометью бросились прочь по улице.

– Стойте, говорю! – Сомик побежал вслед, но куда уж ему угнаться за двумя перепуганными братьями, которые к тому же еще и гораздо моложе его. – Стойте, а то я вам сам сейчас так всыплю...

Преследуемые Сомиком, Фарри и Слов неслись через деревню так, словно на них спустили собак. Даже не оглядываясь. Вслед им неслись удивленные вопросы местных жителей, которые недоуменно провожали парней взглядами. Толстая Маги Алайн выглянула в двери своего дома и, увидев бегущих братьев, выскочила на улицу, намереваясь перехватить их, но те обогнули ее с двух сторон. Причем Фарри еле сумел увернуться от широко расставленных рук и бросить назад: «Простите, госпожа Алайн».

Наконец Фарри и Слов вбежали на причал. При виде их

старый Болвин крикнул и чуть не выпустил изо рта свою трубку.

– Это... Вы чего? – Старик привстал со своего чурбачка и даже не заметил, что поплавок его удочки уже повела рыба. – Чего там?

– До свидания, господин Болвин! – крикнул в ответ Слов, обрезая поясным ножом веревку, которая держала лодку у причала.

Фарри налег на весла. Как раз вовремя. Едва лодка отдалась от причала на несколько шагов, как на него влетел Грег Сомик.

– А ну стойте! – Он бессильно погрозил братьям кулаком. – Вернитесь сейчас же, а то я лично прослежу, чтобы вы неделю сидеть не смогли! Алмостер...

– Дядя умер! – крикнул ему почти с середины реки Фарри. – Кто-то напал на нас, убил дядю и сжег дом!

Слов больно ткнул брата под ребра, призывая прикусить язык.

– Как? Алмостер... – пробормотал Сомик вслед удаляющейся лодке.

Через несколько минут причал, вместе с замершим на нем в растерянности Грегом Сомиком, скрылся за новым поворотом реки. Вскоре исчезли и дымки из труб, парившие над кронами деревьев. Вокруг снова царила первозданная природа, и водомерки порскали во все стороны от носа лодки, распарывающего гладь реки.

– И что теперь? – нарушил молчание Слов.

– Еда у нас есть, – Фарри оглянулся назад, в сторону, где осталась деревня, – а остальное купим где-нибудь еще. Там и дорогу узнаем. Не одна ведь деревня в мире, правда?

Два дня река неторопливо несла лодку по течению. Два дня не было заметно никаких признаков жилья. Словно Фарри и Слов вдруг оказались единственными людьми во всем мире. Девственный лес, почетной стражей стоя по берегам реки, то смыкал над ними свои зеленые руки-ветви, просеивая солнечные лучи сквозь густую листву, то расступался далеко в стороны, следуя изгибам берегов. Животные, видимо пришедшие к реке на водопой, лишь провожали лодку любопытными взглядами – похоже, они никогда не сталкивались с охотниками. Узкие ответвления уходили от реки куда-то в глубь леса. Фарри и Слов, посоветовавшись, решили следовать основному руслу – кто знает, куда ведут эти мелкие речушки и не заплутают ли братья в водном лабиринте, густо изрезавшем здешние леса. Время от времени река, по которой они плыли, впадала в озера всех форм и размеров. Большие и маленькие, чистые и покрытые сплошным ковром кувшинок, где братьям приходилось налегать на весла, проталкивая лодку сквозь переплетение водорослей. А потом их снова подхватывало речное течение и увлекало за собой.

– Дымом вроде пахнет. – Фарри принялся и завертел головой, высматривая источник запаха.

Слов отложил весла и привстал, вглядываясь в даль.

– Вон, смотри!

Еще через минуту впереди стало видно большую лесную делянку. На протяжении пятидесяти шагов по левому берегу лес был расчищен, а сам берег завален очищенными бревнами и сучьями, срубленными с древесных стволов. Пусть растительность упрямо стремилась занять свободное пространство, но здесь рука человека была видна невооруженным глазом.

Дым, который учуял Фарри, исходил от двух громадных костров, горевших по краям делянки. Вскоре стали слышны новые звуки – стук топоров и, пока еще невнятная, речь.

– Пристанем? – Слов вопросительно посмотрел на брата. – Или дальше поплывем?

– Здесь нас никто не знает, – подумав, ответил Фарри. – Надо спросить, правильно ли мы плывем.

Приняв решение, братья направили лодку к берегу. Когда ее нос ткнулся в прибрежный ил, Фарри выскочил на берег, стараясь не замочить ног, и принялся привязывать лодку к коряге, лежащей у среза воды.

– Р-раз! – раздалось сквозь стук топоров откуда-то из глубины вырубки. – Р-раз!

Братья поднялись на берег и остановились перед беспорядочно разбросанными толстыми бревнами. Неподалеку они заметили лесорубов, голых по пояс, ожесточенно вонзающих топоры в древесные стволы. Чуть ближе к ним пятеро

мужчин, впрягшись в веревки, изо всех сил тянули к берегу здоровенное очищенное бревно, а там, откуда они это бревно волокли, их сотоварищи споро очищали от ветвей еще несколько упавших деревьев.

– Поберегись!

Огромное, в два обхвата толщиной, дерево, застонав, стало клониться к земле. Лесорубы ловко отскочили в сторону, и дерево с громким треском упало. В поверженного гиганта тут же снова впились топоры, безжалостно отсекая еще дрожащие зеленые ветви.

– Р-раз! И р-раз!

– А вам здесь чего надо?

От одного из костров к Фарри и Слову не спеша направился высокий мужчина. Чуть полноватый, с косматой черной шевелюрой и солидной бородой. Вся его одежда, как у всех жителей здешних мест, в том числе и самих братьев, была сделана из кожи, но на боку, вместо меча, висел топор на длинной рукояти. Длинное, узкое лезвие топора, чуть загнутое вниз, совсем не походило на рабочий инструмент. Когда он остановился рядом с Фарри и Словом, парни сразу же обратили внимание на небольшой знак на его груди – темно-зеленый щит, посреди которого нарисован черный топор. Знак Дома Вудакс, которому принадлежат все здешние леса.

– Мы хотели узнать, где оказались, господин. – Слов чуть поклонился. – И далеко ли до Этвуда.

– Дня три, если по реке. – Мужчина махнул рукой вниз по

течению. – Вы откуда такие?

– С севера, – ответил Фарри. – Мы на хуторе жили, почти под самой Стеной.

– Не знал, что у вас там беспокойно. – Мужчина указал на меч Фарри. – И что в ваших диких местах мечи предпочитают честному топору.

– Да нет, все у нас спокойно. – Слов посмотрел на свой меч. – Просто дорога дальняя – мало ли что в пути случиться может, господин...

В ответ мужчина расхохотался. Чуть ли за живот от смеха не схватился. Братья недоуменно переглянулись, пытаясь понять, что же вызвало такую реакцию.

– Зовите меня господин Перес, – отсмеявшись, произнес их собеседник.

В ответ Фарри и Слов, снова поклонившись, тоже представились.

– Слушайте, вояки, – Перес, хмыкнув, указал на их мечи, – вы хоть умеете обращаться с этими железками? А то ведь неловко взмахнете, так и ногу себе отрубите!

– Нас дядя с детства учил! – Фарри оскорбленно выпрямился и глянул прямо в глаза Переса. – Уж можете не беспокоиться за наши ноги.

– Дядя, значит? – Перес снова хмыкнул. – Оказывается, я многого о севере не знаю. Там, значит, и мастера меча водятся...

– Мастера не мастера, а постоять за себя сможем, – твердо

парировал Фарри, не обращая внимания на тычки и шипение брата.

– А давай проверим! – вдруг предложил Перес. – Ставлю серебряную монету, что побью любого из вас!

– Извините, господин Перес... – начал Слов, выступая вперед брата, едва тот успел раскрыть рот.

– Да ладно вам! – Перес по-своему истолковал его слова и махнул рукой. – Я и не надеюсь, что вы ставку поддержите. Откуда у вас там деньги? Давайте так – если кто-то из вас меня побьет, то получаете серебряную монету. Если нет – вы мне ничего не должны. Хотя какое-то развлечение, а то месяц уже тут за тем, как деревья падают, наблюдаю.

– А на золотой поспорить – слабо? – Фарри оттолкнул брата.

– А у вас и золото есть? – Глаза Переса полезли из орбит. – Или это ты решил за мой счет подзаработать?

Слов больно наступил брату на ногу.

– Какой золотой! – злобно шепнул он Фарри в ухо. – Заткнись, придурок! Ну, вы же все равно считаете, что нас побьете, – тут же сказал он Пересу. – Чего вам беспокоиться, что свое золото потеряете?

– Понятно. – Перес снова расхохотался. – А вы – наглые, крысеныши! Только вот я вам не милорд какой, чтоб золотыми разбрасываться. И не привык ставить на кон то, чего у меня нет. Так что, согласны на серебро?

– Идет! – кивнул Фарри, отстраняя Слова.

– Фарри, может, давай лучше я буду драться? – тихо спросил Слов, пока Фарри сбрасывал с себя куртку.

– Думаешь, я хуже тебя дерусь? – ухмыльнулся Фарри. – Не мешай лучше.

Почувяв забаву, вокруг Фарри, Слова и Переса начали собираться лесорубы. Даже те, кто в отдалении рубил деревья, узнав о предстоящем развлечении, побросали работу и поспешили к берегу. Сразу же в воздухе зазвенели выкрики. Кто-то подбадривал Фарри, кто-то бросал шутки, не всегда безобидные, кто-то интересовался, что происходит...

– Ну, готов, малыш? – Перес взмахнул топором.

Фарри встал в стойку, выставив перед собой меч, и повел плечами.

– Начали?

С мощным рыком Перес бросился вперед. Лезвие топора полетело сверху вниз к голове Фарри. Слов затаил дыхание, с ужасом ожидая, что сейчас топор раскроит его брату череп. Но, лязгнув о железо, которым рукоять топора была окована на половину длины, меч Фарри уверенно встретил удар. Фарри, не успев еще стихнуть лязг металла, чуть сместился вправо, выводя клинок из-под топора, пригнулся... И еле успел отскочить – обух топора, изменив направление движения, чуть не врезался ему в висок.

– Неплохо, – осклабился Перес, поигрывая топором. – Меч держать ты умеешь.

Теперь уже Фарри пошел в атаку. Удар наискосок слева

направо. Заблокировал на возврате контратаку Переса. Лезвие топора застыло на расстоянии пальца от лица парня. Фарри сглотнул. Сражаться против человека, вооруженного топором, было непривычно. Он привык, что противник вооружен мечом, а если быть честным – всего лишь палкой, изображающей меч. Теперь пришлось приноравливаться по-новому. Постоянно учитывать, что лезвие топора далеко выступает от рукояти и уже не получится заблокировать удар совсем близко к своему телу – в этом случае лезвие топора вопьется в плоть. И еще одно. Тренируясь с палками, братья рисковали лишь заработать парочку лишних синяков. Здесь же схватка шла боевым оружием, и Перес, похоже, не особо заботился, чтобы не поранить противника.

Снова рыкнув, Перес навалился на топор, отталкивая Фарри. Парню пришлось на шаг отступить, но Перес вдруг дернул топор на себя, зацепив лезвием меч. Руки Фарри рвануло так, что, казалось, вот-вот выскочат суставы. Пользуясь заминкой, Перес снова ринулся вперед, отжимая клинок меча Фарри вниз. Сильный толчок плечом в грудь, и Фарри кубарем покатился по земле.

– А ты молодец! – Перес опустил топор и протянул Фарри руку. – Не думал, что столько продержишься.

Фарри принял руку и поднялся с земли. Тут же возле него оказался Слов. На всем протяжении поединка он наблюдал за братом, крепко сжимая рукоять своего меча. Если брат пострадает в этом поединке... Слов готов был в любой момент

броситься с мечом на Переса. На всех окруживших бойцов и наблюдавших за поединком!

– Ты как? – спросил он у брата, но тот только раздраженно дернул плечом.

– Парни, если вам в Этвуд надо, можете подождать здесь пару часов. – Перес вложил топор в петлю на поясе и указал на грудку бревен, лежащую на берегу. – Мы лес сплавать по реке будем. Как раз почти до Этвуда.

– Спасибо, но...

Слов тут же перебил брата:

– Благодарим, господин Перес. Пару часов мы можем и отдохнуть.

– Ну, тогда давайте посидим.

Втроем они отошли к костру, где Перес сидел до того, как лодка братьев пристала к берегу. Присев на обрубок бревна, Перес достал из-за него большую кожаную флягу и, крякнув от удовольствия, сделал большой глоток.

– Так что вам в Этвуде понадобилось? – Он протянул флягу Фарри, и тот, чуть поколебавшись, принял ее.

– Просто путешествуем, – быстро сказал Слов, глядя, как брат принимает содержимое фляги. – Там, на севере, кроме лесов и болот, ведь нет ничего. Хотим мир посмотреть.

– Приключения ищите, – понимающе кивнул Перес. – Ну-ну... А родители знают, что вы на юг отправились?

– Нет у нас родителей. – Фарри наконец решился сделать

глоток из фляги и закашлялся.

– Пива никогда не пили? – снова захохотал Перес.

Фарри замотал головой, все еще кашляя от непривычной горечи, и протянул флягу брату. Слов взял ее, задумчиво глянул на брата, перевел взгляд на флягу и решительно протянул ее обратно Пересу.

– Так что ж вы, – тот без слов взял флягу и снова приложился к ней, – одни там жили?

– С дядей, – ответил Слов. – Но он умер.

– Ага... – закивал Перес, пряча опустевшую флягу за бревно. – И вы, оставшись одни, решили, что жизнь в глуши – не для вас.

Фарри угрюмо кивнул. В данный момент его больше всего волновал вопрос, как бы прогнать изо рта непривычную пряную горечь пива. Дядя никогда не разрешал им с братом пить подобные напитки. И сам, насколько Фарри знал, пил исключительно редко. Дело даже не в том, что он был трезвенником. Алмостер Бровин всегда сокрушался, что в этих краях не раздобыть хоть какого-то вина, а к пиву и сивухе, которую гнали в деревне, относился с презрением, как к чему-то недостойному его. Хотя иногда он и уделял внимание местному пиву.

– А эти мечи, – продолжал Перес, – откуда они у вас? Не думаю, что их выковал деревенский кузнец, даже если в ваших краях и добывают руду.

– Они всегда висели у нас над камином, – пожал плечами

Фарри. В голове у него чуть шумело после схватки и глотка пива. — Дядя в молодости путешествовал и, наверное, привез их с собой.

— Бьюсь об заклад, — ухмыльнулся Перес, — что ваш дядя неспроста забрался в такую глушь. Ну, да это не мое дело, пока вы сами не нарушаете законы на землях Дома Вудакс. Здесь, в лесах, двое из трех или сами скрываются от каких-то неприятностей, нажитых на юге, или их родители спрятались от них здесь.

Они сидели, болтая, пока лесорубы сбрасывали бревна в воду и связывали их в большие плоты. Слов сбегал к лодке и принес мяса. Перес поделился с братьями хлебом, который, после нескольких дней на одном мясе и рыбе, показался лакомством. Из разговора братья узнали кое-что о жизни в Этвуде и тамошних порядках. Кое-что о самом городе и землях южнее его.

— Вы, парни, главное, не ввязывайтесь ни в какие неприятности, — поучал их Перес. — А то мигом окажетесь на одной из таких вот вырубок. Здесь, конечно, лес валят не преступники. Но в этих краях достаточно и таких вырубок, где нарушившие закон отрабатывают свои преступления. Тяжко отрабатывают.

— Мы и не собирались нарушать закон, — вежливо ответил Фарри.

— Ага. А жить вы как собираетесь? Здесь, в лесу, вам деньги не нужны. Силки поставил или подстрелил какую-нибудь

дичь – и ужин обеспечен. А там, в городе, без монеты вам и обглоданной кости никто не даст.

У Фарри и Слова хватило ума, чтобы не показывать деньги, извлеченные из тайника Алмостера Бровина. Они внимательно слушали и понимающе кивали словам Переса.

– Я вам вот что скажу. Вы, парни, с мечами своими худо-бедно, но обращаться умеете. – Увидев, как Фарри скривился, Перес улыбнулся. – Ну, не худо-бедно, а, скажем, даже неплохо. Но не об этом речь. Если хотите, чтоб животы были всегда полны, а горбатиться на рубке леса или подмастерьями какими-то не желаете, то найдите вербовщика. В каждой таверне кто-то да набирает людей в армию какого-нибудь малого Дома. Платить, конечно, много не будут, но...

– Спасибо, господин Перес. Мы подумаем. – Слов посмотрел на реку, где уже почти закончили связывать бревна. – Думаю, пора нам уже дальше отправляться.

– Удачного пути. – Перес достал из кармана трубку и принялся набивать ее табаком. – И подберите к своим мечам какие-то ножны. А то отрежете себе случайно что-нибудь.

Под крики лесорубов плоты были спущены на воду. Фарри и Слов спешно запрыгнули в лодку и, помахав на прощание Пересу, отправились вслед за медленно сплавляющимися по реке бревнами. Вскоре делянка окончательно исчезла из вида, а о том, что она вообще была, напоминали только ползущие вниз по течению плоты да несколько человек, правивших ими.

Вскоре после того, как братья покинули лесную делянку, стали попадаться и другие признаки того, что эти места обитаемы. Сначала редко, а потом все чаще и чаще они проплывали мимо деревень, которые чем дальше, тем становились больше. Фарри и Слов во все глаза глядели на них. Вроде такие же дома, к которым они привыкли в своих краях. И люди одеты так же...

– Спорю, что там не меньше пятидесяти домов! – В голосе Слова звучало чуть ли не благоговение. – Как думаешь, город намного больше?

– Можно подумать, я бывал в городе, – фыркнул Слов, тоже рассматривая проплывающую мимо деревню. – Думаю, город все же побольше будет.

Они не останавливались в этих деревнях. Зачем? Плывущие впереди плоты верно указывали дорогу, запасов еды хватало. Что еще надо? Братья рассудили, что если что-то и понадобится, то можно будет приобрести это и в городе. Благо деньги у них имелись. Всего в мешочке, как подсчитали в начале путешествия Фарри и Слов, было сорок восемь крупных золотых кругляшей. Много это или мало... Парни надеялись, что по крайней мере на первое время им хватит. А потом – что-нибудь придумают. В любом случае мысли Фарри и Слова гораздо больше занимал вопрос, как они добьются своего. Они еще не обсуждали планы в подробностях, решив, что все надо делать последовательно. Сначала добратсья до Этвуда, а уже потом – думать, куда идти дальше. Да и

что толку сейчас думать, когда они, считай, и не знают ничего даже о том, где находится Дом Дормайл? Где-то на севере Чаши, западнее Вудакса – вот и все, что было им известно.

Через два дня неспешного плавания возле очередной деревни, показавшейся братьям просто огромной, плоты повернули к берегу. Сплавщики, за все это время не сказавшие Фарри и Слову больше двух слов подряд, отталкивались от дна длинными шестами, а на берегу их уже поджидали встречающие. Лодка братьев не удостоилась больше пары взглядов – все были заняты делом. Проплывая мимо, Фарри и Слов видели, как приставшие к берегу плоты тут же цепляли к упряжкам лошадей и под шелканье кнутов вытаскивали на берег.

А еще через час река влилась в большое озеро. Фарри и Слов ахнули при виде открывшегося им зрелища. Озеро было намного больше, чем все, что они видели до того. Берега расходились далеко в стороны, и лес, покрывающий их, исчезал в дымке. Но в пределах видимости берега были всюду просто усеяны деревьями. Тут и там над кронами деревьев поднимались дымки из печных труб, а запахи, принесенные ветром, заставили желудки парней заурчать, напоминая, что с тех пор, как они поубедали, прошло уже довольно много времени. По озерной глади сновали во всех направлениях лодки, разных форм и размеров. Кто-то плыл через озеро по каким-то своим делам, кто-то – таких было большинство – тянул сети, в которых серебрилась бьющаяся рыба. Несколь-

ко лодок, выглядящих роскошно, медленно плыли по озеру – их хозяева, похоже, наслаждались приятным вечером. На одной совсем уж большой лодке, украшенной, хоть было еще светло, разноцветными фонарями и гирляндами, что-то шумно праздновали – оттуда до братьев долетали веселые крики и звуки музыки. И все-таки на окружающие их лодки Фарри и Слов смотрели лишь постольку, поскольку старались не столкнуться ни с одной из них. В основном взгляды их были прикованы к тому, что находилось посреди озера.

Огромный остров величаво вздымал песчаные берега из вод озера. Он был настолько обширен, что из центра его, наверное, озерной глади не было видно вовсе. И вся эта территория была застроена. Чуть дальше линии причалов, сплошным кольцом охватывающих остров, устремились к небу городские стены. Даже с немалого расстояния Фарри оценил, что они поднимаются, как минимум, на высоту пяти его ростов. А то и всех шести! И главное, эти стены были целиком сложены из камня! До сих пор братья никогда не видели каменных строений. То есть вообще не видели! Все постройки на севере лесов Вудакса были из дерева: сложены из больших и малых бревен. Крыши крыли либо тростником, в изобилии растущим на болотах, либо древесной дранкой. В общем, камень в их родных краях был не в почете.

– Это сколько ж камня надо, чтобы сложить такую громадину? – выдохнул Слов, не отводя взгляда от приближающейся стены. – Дотащить сюда камни, перевезти их через

озеро, сложить в стену...

Однако верхушка стены была все же из дерева. Толстенные, плотно подогнанные друг к другу бревна образовывали просторные галереи, а через равное расстояние из стены вырастали бревенчатые же башни. О том, чтобы забраться на такую высоту, как, например, верхний этаж одной из таких башен, Фарри и думать не хотелось.

– Куда прешь, щенок! – Засмотревшись на чудо впереди, Фарри не заметил, как они чуть не влетели в сеть. Прямо им навстречу медленно плыла рыбацкая лодка, с левой стороны которой, словно ухо, крепилась уходящая под воду рама, на которой и была эта сеть растянута. Трое мужчин, сидевшие в рыбацкой лодке, грозили братьям кулаками и ругались на чем свет стоит.

Пришлось налечь на весла, меняя курс. Лодки разминулись лишь на расстоянии вытянутой руки. Слишком близко, если учесть то, что из рыбацкой лодки, чуть не попав в голову Слова, прилетела брошенная одним из рыбаков крупная рыба голова – материальное воплощение тех проклятий, которыми рыбаки щедро осыпали братьев.

– Хорошо нас тут встречают. – Слов задумчиво проводил взглядом рыбаков.

– Ты чего? Они же хотели подарить тебе замечательную рыбу голову! – Фарри указал на снаряд, покачивающийся в воде неподалеку, и заржал. – Можно отличную уху сварить!

– Не смешно, – буркнул Слов. – Мы еще не добрались до

города, а нас уже встретили руганью. Сомневаюсь, что мне здесь понравится.

– Мы же не собираемся надолго задерживаться. – Фарри вновь уставился на остров, становившийся с каждой минутой все ближе. – Разузнаем, что к чему, и отправимся дальше. Хотя...

– Что «хотя»? – Слов наконец отвернулся от рыбаков и посмотрел на брата.

– Город, Слов! – Глаза у Фарри загорелись. – Гели только стена – такая громадная, то что же находится за ней? И потом... Ну, встретили мы пару невеж, так это вовсе не значит, что все в этом городе такие.

– Может, ты и прав, – согласился с братом Слов. – Посмотрим, что это за город.

Пристать к берегу оказалось не такой уж простой задачей. Вначале Фарри и Слов направили лодку к ближайшему причалу, но стоило только Фарри попытаться выбраться из нее, как тут же появился какой-то человек.

– Эй-эй! Куда это вы?! – кричал он, размахивая руками. – Сюда нельзя!

– Почему? – удивился Фарри.

– Здесь все места заняты. – Парень, оказавшийся при ближайшем рассмотрении едва ли старше братьев, остановился перед Фарри и смерил его взглядом. – Не местные, ага?

– Мы с севера, – пояснил Слов.

– Оно и видно. Что, тяжело там, на севере, нынче? – Похоже, парень не прочь был поболтать.

– Да так... – Фарри пожал плечами. – Город вот захотели посмотреть.

– Ну да. Все стремятся в город. Лезут и лезут... Только я вам вот что скажу. – Парень покачал головой, словно в том, что люди с севера идут в Этвуд, заключалось его личное горе. – Город скоро по швам трещать начнет от вашего брата. Вот скажите мне, чего вам дома не сиделось?

Фарри и Слов переглянулись, не зная, как реагировать на эти слова. Но ответа парню, похоже, не требовалось.

– Вот представьте, что в вашу деревню, или откуда вы там, начинают лезть всякие чужаки, – продолжал он. – Без медяка в кармане, слоняются тут по улицам... Жить нормально честным людям мешают. А большинство из них где в итоге оказываются? Правильно. В том же лесу. Возвращаться-то сами не хотят уже, а к доброй работе – непривычны. И начинается – где-то что-то украдут, с кем-то драку затеют, а то и убьют кого. Приходится страже их обратно в лес возвращать. Только уже не в родные деревни, а на делянки, лес валить. Так зачем, я вас спрашиваю, лезть сюда, если все равно опять в лесу окажешься? Вам на свободе не нравится деревья рубить?

– Мы вообще-то не лесорубы, – вставил слово Фарри, когда парень, как ему показалось, немного выдохся от своего монолога. – Мы охотой жили...

– Так чего дальше не стали жить охотой? Вот ты, – парень уже накрутил себя так, что из его голоса исчез даже намек на доброжелательность. Он ткнул пальцем в грудь Фарри, – скажи мне, чего тебе в Этвуде надо?

– А что, уже город посмотреть нельзя? – Фарри стал надоедать этот разговор. – И чего это мы должны перед тобой отчитываться? Ты вообще кто такой?

– Я? Я здесь приглядываю за причалом. Как раз чтоб такие, как вы, – он сплюнул под ноги, – не занимали места добрых людей. Так что валите отсюда, пока я стражу не позвал. Они-то вас быстро на место вернут!

– Ну и где нам тогда лодку оставить? – Фарри не двинулся с места.

– Так мне это без разницы. Хоть затопите ее! А если у вас монета имеется, то валите на один из общественных причалов. Ну, чего стоишь?

– Фарри, давай убираться отсюда. – Слов поднялся в лодке и дернул брата за штанину.

– Ага-ага, – закивал парень. – Верно. Убирайтесь, давайте! Смерив напоследок парня взглядом, Фарри еще немного постоял, показывая, что не намерен спешно выполнять его команду, и спрыгнул в лодку. Слов налег на весла, снова выводя лодку в воды озера.

– Слушай, мы еще даже не успели причалить к берегу, – задумчиво произнес он, глядя в спину уходящему парню, – а нас уже успели дважды обругать. Что-то мне здесь совсем

не нравится.

– Может, сегодня день такой. – Фарри сплюнул в воду и повернулся к брату. – Везет нам на хамов сегодня.

– Надеюсь только, что дальше нам так «везти» не будет, – ответил Слов.

Им пришлось еще долго плыть вокруг острова. Весь берег был усеян причалами, но, куда бы братья ни свернули, всегда, как из-под земли, возникал страж, требующий поскорее убраться. Кто-то бросал в их сторону ругательства, кто-то холодно оповещал, что останавливаться здесь им нельзя. Повезло Фарри и Слову только на девятом или десятом – они уже сбились со счета – причале, где им подсказали, что следует искать причал, отмеченный знаком, на котором нарисована лодка, означающим, что здесь и есть общественный причал.

Искомый знак первым заметил Фарри, сидящий на носу лодки и внимательно всматривающийся в берег.

– Слов, правь туда! – Он указал на причал, на мостках которого была установлена перекладина. Выкрашенная в зеленый цвет деревянная табличка, на которой красным была нарисована лодка, покачивалась на цепях под слабыми дуновениями ветерка.

Здесь их тоже встречали. Не успели ребята привязать лодку, как перед ними вырос полный мужчина, сразу же заявивший:

– Три медяка в день.

Он, как и все, с кем братья уже успели здесь пообщаться, внимательно осмотрел их с головы до ног и замер, уперев руки в бока. Слов покопался в мешочке, не извлекая, впрочем, его на всеобщее обозрение, и протянул толстяку блестящий кругляш.

– Пока мы остановимся на пять дней. – Он не знал точно, скольким медякам равен один золотой, но предполагал, что уж на пять дней этого хватит. Судя по округлившимся глазам толстяка, платы хватило бы и на куда более долгое время.

– Хорошо, господа. – Тон его тут же сменился на елейно-любезный, а монета исчезла, словно ее и не было никогда. Вместо нее в руках толстяка появился тощий кошель, из которого он принялся отсчитывать сдачу. – Ни о чем не беспокойтесь! Приглядим за вашей лодкой в лучшем виде! Как за своей собственной!

Отсчитав, он протянул Слову сдачу – три серебряные монеты и пятнадцать больших, стертых до того, что уже сложно было различить, что на них изображено, медяков. Судя по виду его кошелька, вряд ли в нем после этого осталось много монет. Фарри понадеялся, что их не обсчитали.

– Подскажите, пожалуйста, где в городе можно остановиться, – спросил он, загоня мысль о том, что их слишком легко обмануть, подальше.

– О, конечно, господа! – Толстяк расплылся в улыбке. – Пройдете туда, примерно полверсты, до западных ворот. Там, через ворота, идите по Речной улице, а через три пе-

реквестка, у самого рынка, сверните направо. Сразу увидите! Гостиница называется «Веселый охотник». Самая лучшая еда в городе, Водоворотом клянусь! Да-да!

– Большое вам спасибо. – Слов забросил свой мешок за спину, проверил, не осталось ли чего в лодке, и подождал, пока Фарри пристроит на плечах свой мешок.

Пока они не покинули причал, толстяк семенил за ними, уверяя, что ничего с их лодкой не случится, расписывая прелести Этвуда и преимущества гостиницы, которую порекомендовал, и всячески увещевая пользоваться услугами его причала. В конце концов толстяк отстал, и Фарри со Словом вздохнули от облегчения.

Когда братья уже достаточно удалились от причала, Фарри огляделся по сторонам и остановился.

– Слушай, давай-ка достанем пару монет из мешка, – предложил он. – Нечего при всех за деньгами каждый раз лазить!

– Думаешь, могут украсть? – неуверенно спросил Слов.

– Вполне! – кивнул Фарри. – Народ тут какой-то...

Слов полез в свой мешок и нащупал деньги.

– Монеты две, думаю, хватит, – сказал он, перекладывая кругляши в карман. – Кстати, я тут пытаюсь посчитать. Тот толстяк на причале говорил, что в день берет три медяка. Я заплатил за пять дней – это пятнадцать медяков. С золотой монеты он вернул мне три серебряных и пятнадцать медяков. Это, получается, золотая монета сколько стоит?

Фарри задумался, подсчитывая в уме, но с ходу решить задачу у него не получилось. Как и у его брата. Постояв немного, они решили купить что-нибудь по дороге, разменяв серебро на медь, и таким образом точно узнать стоимость имевшихся у них денег.

До ворот они добирались немного дольше, чем предполагали. Расстояние в полверсты не было такой уж большой проблемой, однако чем ближе они подходили к виднеющейся вдали большой надвратной башне, тем оживленнее становилось вокруг. По набережной сновали лоточники, громкими криками призывавшие купить, казалось, все что угодно – от лески и рыболовных крючков до свежих булочек и фруктов. Возле причалов прямо из лодок продавали рыбу, только что выловленную в озере. Несколько раз попадались пузатые продавцы пива, разливающие пенный напиток в кружки из огромных бочек. И конечно же здесь было вдосталь празднующегося народа. Кто-то прогуливался, кто-то отчаянно торговался с продавцами, кто-то просто стоял, прислонившись к городской стене.

– Пирожки с рыбой! Самые свежие! Купишь один раз – всегда будешь у меня покупать! – Мальчишка с лотком, висящим поперек груди, чуть не налетел на Слова. – Прошу прощения, господин! Купите пирожок! Клянусь Водоворотом, это самые вкусные пирожки во всем Этвуде!

– И сколько ты хочешь за один пирожок? – Фарри остановился и принялся рассматривать товар. Пирожки и впрямь

выглядели аппетитно.

– Всего медяк, господин! – оживился мальчишка. – Купите – не пожалеете! Самый вкусный для вас выберу.

Он принялся перебирать пирожки на лотке, видимо выбирая покрасивее. Фарри кивнул брату:

– Купим?

– Давай. Есть и впрямь хочется. – Слов выудил из кармана серебряную монету и протянул торговцу. – Давай два.

– А помельче у вас денег нет? – Взгляд мальчишки сразу потух. Он полез в карман и принялся звенеть монетами, пересчитывая, хватит ли у него на сдачу. Судя по выражению лица, денег не хватало.

– Слушай, – оживился Фарри, останавливая Слова, полезшего было за медяками, – а давай-ка пирожков на все!

– Ой, спасибо, господин! – Мальчишка засиял. – Сию минуту, господин! Я вам даже заверну!

Он выудил откуда-то из-под своего лотка практически чистую тряпицу и принялся укладывать на нее свой товар. Один, два, три... Он передал Фарри кулек, в котором были завернуты десять пирожков, и выхватил из рук Слова монету. На сдачу же он вернул им пять медяков.

– Итого одна серебряная монета стоит пятнадцать медяков, – произнес Фарри, разворачивая тряпицу и выуживая пирожок. – Получается, три серебряные монеты – это сорок пять медных.

– Ага, – согласился Слов, беря пирожок и себе. – Один

золотой – это семьдесят пять медных монет или пять серебряных.

– На те деньги, что у нас есть, – Фарри откусил сразу полпирожка, отчего его слова едва можно было разобрать, – пирожками можно просто объесться.

Жуя пирожки, оказавшиеся действительно неплохими, они двинулись дальше. Возле самых ворот толпа стала еще гуще. Парни, выросшие в лесу и только иногда бывавшие в деревне, дивились тому, как столько народа может собраться в одном месте. Только у одних ворот, прикинул Фарри, людей было столько, что хватило бы заселить две деревни, и еще осталось бы на парочку хуторов! Они шли осторожно, стараясь ни на кого не налететь, не наступить никому на ногу. Однако, несмотря на все усилия, полностью избежать столкновений не удалось – на память об одном из них у Слова на ребрах остался синяк от локтя какого-то господина, спешно пробиравшегося через толпу. Но самым худшим был шум. Голоса множества людей сливались в неразборчивый гул, словно здесь собрались все птицы и звери северных лесов, к тому же одновременно сошедшие с ума.

– Как они умудряются слышать друг друга? – Слов чуть ли не прокричал эти слова в ухо Фарри. – Тут в двух шагах уже ничего не разберешь!

– Город, – пожал плечами Фарри. – Если такое творится у ворот, то представь, что там, за стенами!

В самих воротах люди двигались еле-еле. Как только Фар-

ри и Слов шагнули в черный зев ворот, причина сразу стала ясна. За массивным столом, сколоченным из досок, сидел средних лет мужчина, одетый в зеленую шерстяную куртку, на левой стороне груди которой был вышит черный топор в контурах щита. По бокам стола стояли шестеро стражников. Одетые, как Перес, в кожу, с такими же топорами. Но, в отличие от Переса, на них были надеты еще и зеленые табарды с вышитым на груди гербом Дома Вудакс, кроме топоров, висящих на боку, стражники были вооружены короткими копьями и большими круглыми щитами, а на головах были надеты похожие на круглые шапочки кожаные шлемы, укрепленные железными полосами.

– Неместные? – поинтересовался человек за столом таким тоном, что его слова больше походили на утверждение, а не на вопрос. Мимо Фарри и Слова протиснулся какой-то мужчина, махнул перед носом стражи рукой, в которой был зажат круглый медный значок. Стражник, стоящий ближе к нему, кивнул и отошел в сторону, пропуская мужчину в город. – По медяку с каждого за проход.

– Пожалуйста, господин. – Фарри положил на стол две монеты, которые тут же отправились в большой деревянный ящик с прорезью на крышке.

– Проходи, не задерживай! – Стражник чуть подтолкнул их в проход.

Здесь стало чуть свободнее. Люди уже не так теснились, и парней даже почти не толкали. Еще десять шагов, и братья

оказались в городе.

Если Фарри и Слов дивились количеству людей снаружи городской стены, то, оказавшись внутри, они были поражены. Сотни людей рекой растекались от ворот по городским улицам. Теснились и толкались, кричали и смеялись... Кое-где даже вспыхивали ссоры. Здесь похоже, собрались жители не только самого Этвуда, но и других земель. Разнообразные одежды пестрели всеми цветами так, что начинало рябить в глазах. Вот, недовольно пробурчав что-то, мимо братьев протолкался усатый мужчина, в обтягивающем жилете, надетом на голое тело, и просторных шароварах, подпоясанных широким кожаным ремнем. А вот идет другой – в расшитой замысловатым черно-белым узором тунике, доходящей до самых колен. Навстречу ему – не идет, а словно плывет! – женщина, одетая в ярко-красное платье, жестко обтягивающее ее фигуру в лифе, но ниспадающем просторными юбками до самой земли. Она ведет непринужденную беседу с другой женщиной, одетой в роскошные меха, хотя погода стоит довольно теплая. Проплыл, покачиваясь, по морю людей портшез.

Остановиться, хотя бы на мгновение, здесь было невозможно. Людской поток снес бы любого, как река в половодье плотину. Оставалось только выбирать течения, которые понесут в нужном направлении. Фарри и Слов взяли за руки, боясь затеряться в этой толкотне.

– Нам прямо! – крикнул Слов в ухо брату.

Вокруг высились дома, словно стены ущелья, дном которого были улицы. Братья смотрели на них открыв рот. Высоченные! В два, а некоторые даже в три этажа! Некоторые дома были, как и стена, сложены из камня. Некоторые – из привычных бревен. Встречались и такие, у которых первый этаж был каменным, а второй – деревянным. И ни одной тростниковой крыши! Никаких пузырей на окнах! Крыты все дома были черепицей, а в окнах вставлены разного качества, но настоящие стекла. Засмотревшись, Фарри споткнулся, и только рука брата удержала его от падения. Фарри внезапно задумался – а остановился бы хоть кто-то, упади он на землю? Или толпа так и продолжила бы идти, продвигаясь по упавшему, пока не затоптала бы его насмерть?

Вскоре поток людей вынес их на большую площадь. Вначале Фарри и Слов даже не сообразили, что это именно площадь – все здесь было заставлено рядами лотков, палаток и раскладок, а шум достиг апогея. Только то, что стены ущелья из домов разошлись в стороны, свидетельствовало о том, что это все-таки площадь. Здесь стало чуть свободнее – как вода, вырвавшаяся на простор из узкого русла, толпа замедлилась, и даже толкать братьев стали чуть реже.

– Направо! – Говорить стало практически невозможно, поэтому Слов дернул Фарри за руку и указал направление.

– Давай по базару сначала походим! – Фарри кивнул в сторону торговых рядов. – В гостиницу мы еще успеем!

– Давай!

Братья двинулись к торговым рядам. Чего здесь только не было! Как же беден господин Сомик по сравнению с любым торговцем на этом базаре! А ведь раньше парни считали деревенского торговца настоящим богачом. Рыба, овощи, фрукты... Фарри и Слов останавливались чуть ли не через один лоток, разглядывая выложенный на продажу товар. Потратив еще три медяка, Фарри купил маленький пакетик каких-то орехов, похожих на желтоватые шарики, – продавец, расхваливая орехи, утверждал, что они привезены с самого юга Чаши. По вкусу же они оказались похожи на землю. Чуть сладковатые, но – земля землей. Слов, тоже попробовавший пару орешков, так и заявил об этом Фарри, указав, что не стоит выкладывать за маленький пакетик какой-то гадости деньги, за которые можно купить целых три вкусных пирожка. В ответ Фарри только рассмеялся и заявил, что если не попробовать, то никогда не найдешь лучшего.

Устав от толчеи, Фарри и Слов свернули в другой ряд, где, как им показалось, людей было поменьше. Это действительно оказалось так. Здесь продавали дерево, во всех его видах. Штабеля бревен, досок, какие-то заготовки, разнообразные поделки из дерева. И покупатели здесь, в отличие от продуктовых рядов, выглядели немного по-иному. Солидные мужчины в богатых одеждах – купцы, как решили ребята – до хрипа торговались с продавцами. Другие, похожие на мастеровых, внимательно осматривали товары, чуть ли не обнюхивая каждую доску. Здесь же продавали и разный инстру-

мент – от топоров и пил до гвоздей, чопиков и прочей мелочи. Эти ряды быстро наскучили Фарри и Слову. Немного послонявшись – Фарри чуть не купил небольшую статуэтку коричневого дерева, изображавшую обнаженную женщину, – Слов заявил, что надо пойти посмотреть, что еще продают на этом базаре.

Свернув в следующий ряд, братья сразу же оказались перед небольшим павильоном, в витрине которого было выставлено оружие. Топоры, кинжалы, несколько мечей хищно поблескивали на свету, притягивая взгляд парней.

– Может, зайдем? – предложил Фарри, разглядывая витрину. – Спросим ножны для мечей.

В павильоне продавец – солидный лысоватый мужчина с грубым лицом и сильными мозолистыми руками, указывавшими на то, что он умеет не только продавать оружие, но и обращаться с ним, – спокойным, уверенным голосом расхваливал единственному покупателю кинжал. Сам покупатель – молодой парень, на рукавах кожаной куртки которого, свидетельствуя о принадлежности к одному из мелких Домов, были нашиты шесть полос синего, красного и розового цветов, – крутил тот самый кинжал в руках, внимательно его изучая.

– Две монеты! – устало сказал он, проводя пальцем по лезвию. – Заточка неправильная. У меня еще монета уйдет на то, чтобы ее исправить.

– Где вы, господин, видите неправильную заточку? – Сло-

ва продавца вроде бы указывали на то, что он возмущен, но голос звучал все так же спокойно. Он взял из рук покупателя кинжал и провел лезвием по кусочку кожи. – Посмотрите, какой разрез. Кожу как масло режет. Две серебряные монеты и десять медяков – это только для вас.

– Две монеты и пять медяков, – торговался покупатель. – Заточку все равно придется править! И посмотрите на баланс – он же смещен на палец!

– Отличный баланс, господин. Вы посмотрите, как сидит рукоять. Попробуйте, как удобно кинжал лежит в руке. А сталь? Лучшая сталь, выплавленная в самих Железных холмах. Две серебряных и восемь медяков.

– Две серебряных и шесть медяков.

– По рукам, господин. – Продавец вложил кинжал в ножны и протянул новому владельцу.

Звякнули на прилавке монеты, и господин, купивший кинжал, покинул павильон.

– Эй-эй! Вам тут что надо? – Тут же продавец обратил внимание на Фарри и Слова, разглядывающих витрины. Голос его звучал все так же спокойно. – Здесь вам не балаган, чтобы глазеть. Если ничего не собираетесь покупать, то попрошу вас покинуть...

– Нам нужны ножны. – Слов вытащил меч из петли на поясе, отметив, что веревка уже почти перерезана, и протянул его продавцу. – Найдется что-то?

– Поглядим... – Тот осторожно взял меч из рук Слова и

принялся его разглядывать. – Так... Отличное оружие... Где вы его взяли?

«Почему почти каждый встречный интересуется нашими мечами? – подумал Фарри, глядя на продавца. – Такое впечатление, что они прямо притягивают взгляды».

– Эти мечи нам достались в наследство, – спокойно ответил Слов.

– В наследство, говорите? – Продавец попробовал пальцем острое и повернулся к братьям. – Если хотите, я могу купить у вас их по хорошей цене.

– Спасибо. – Фарри покачал головой. – Нам нужны только ножны.

– Что ж, хорошо.

Продавец прошел к прилавку и принялся обмерять меч, записывая что-то на листке бумаги.

– Вы же понимаете, что у меня нет ножен под каждый меч. Это надо делать под заказ.

Закончив обмерять, он протянул меч Слову и снова принялся черкать что-то на бумажке.

– Нам надо двое ножен, – заметил Фарри. – У меня точно такой же меч.

– Все равно я должен снять с него мерки. – Продавец протянул руку, и Фарри, поколебавшись, отдал свое оружие. – Выглядят-то они одинаково, но вы же понимаете... Один – на волосок длиннее, другой – на волосок толще... Или шире...

Братья терпеливо дожидались, пока продавец закончит свои подсчеты. Вскоре весь его листок оказался исписан.

– Какие ножны желаете? – Он положил записи перед собой и взглянул на братьев.

– Какие? – переспросил Слов, а Фарри пожал плечами.

В ответ продавец достал из-под прилавка несколько листов, на которых были нарисованы различных форм и размеров мечи вместе с ножнами, и выложил их перед парнями.

– Есть ножны из цельной меди, есть кожаные с медными накладками. Вот здесь вы можете выбрать узор, каким украсить ножны, или заказать без всяких украшений. Медные ножны обойдутся вам по золотому за каждые. За кожаные я возьму по две серебряные монеты. Это, разумеется, без стоимости украшений и узора. Плюс если выберете кожу, то дополнительно поговорим насчет накладок. – Он отвлекся от рисунков, по которым водил пальцем, показывая, о чем говорил, и вновь взглянул на братьев. – Советую вам выбрать кожу. Добрая кожа – она не хуже меди, если вы, конечно, не во дворец на бал собрались. И стоит намного дешевле.

– Мы... – начал было Фарри, но Слов не дал ему договорить.

– Давайте кожаные, – быстро сказал он, глянув на брата. Еще какое-то время они обсуждали накладки и узор.

Продавец показывал образцы, которые у него были в немалом количестве, достал из-под прилавка новые листы бумаги с изображением разнообразных узоров. В конце кон-

цов братья сделали выбор. Слов остановился на простых медных накладках, которые должны будут оковывать устье ножен и их конец. От какого-либо узора он отказался. Фарри же захотел себе накладку на устье ножен длиной чуть ли не на треть их и украшенную самым дешевым узором – в виде опоясывающего накладку плетеного шнура, а на конец ножен – заостренную накладку с хитрым вырезом по краю.

– Хорошо-хорошо... – бормотал продавец, снова черкая что-то на своем листочке. – Это будет... семь серебряных монет и девять медяков.

– Пойдет, – кивнул Слов.

– Только вы же понимаете, что без задатка начинать работу... Половину платы я возьму с вас сейчас, а остальное заплатите, когда ножны будут готовы. Скажем, завтра к вечеру.

Слов полез за деньгами, но Фарри остановил его.

– Нам еще нужны кинжалы и луки со стрелами.

– Зачем? – шепнул Слов, а продавец вежливо отошел в сторону, давая братьям свободно поговорить.

– А ты посмотри на свой нож, – ответил Фарри. – Он же наполовину сточен уже! Сколько ему лет?

Действительно, ножи братьев были в состоянии, оставлявшем желать лучшего. Изделия из железа вообще редко попадали в те места, где жили Фарри и Слов. Конечно, какое-то количество руды добывали и там, но качество этой руды было довольно низким. Да и хороших кузнецов можно было пересчитать по пальцам. Поэтому все изделия из железа –

ножи, топоры и другие инструменты – берегли и дорожили ими. И использовали те же ножи до тех пор, пока их вообще возможно было использовать.

– Вот, могу предложить вам. – Продавец вернулся, неся два кинжала средней длины. Оба были в кожаных ножнах с небольшими медными накладками. Крестовина одного из кинжалов прямо расходилась в стороны, а гарда другого была чуть изогнута вниз. Рукояти кинжалов были также обмотаны шершавой кожей. – Они недорогие, но сделаны хорошо. За оба я возьму три серебряные монеты и десять медных.

Братья взяли кинжалы из рук продавца и принялись внимательно их изучать. Фарри особенно понравился тот, гарда которого была изогнута. Удовлетворившись качеством, парни согласились с выбором продавца.

– Луки, к сожалению, я вам продать не могу. – Продавец развел руками. – Я не занимаюсь ими. Но если вы, когда выйдете на улицу, свернете направо и пройдете еще через три павильона, то увидите магазин мастера Гила. Обязательно скажите, что вас направил мастер Балд.

– Спасибо, мастер Балд. – Слов отсчитал монеты и положил на прилавок. Одну золотую, две серебряных и семь медяков. – Я правильно посчитал?

– Правильно. – Мастер Балд бросил взгляд на свои записи. – Жду вас завтра вечером.

Фарри и Слов вышли из павильона и пошли дальше, как советовал мастер Балд. Нужный магазин они нашли быстро

– даже если бы у его входа не висела табличка, на которой был изображен лук, большая стойка с товаром все равно привлекла бы их внимание. Мастер Гил поначалу отнесся к парням настороженно, но, когда они упомянули мастера Балда, тон его чуть потеплел, а окончательно продавец расслабился, когда зазвенели монеты. Здесь Фарри и Слов оставили еще один золотой, приобретя два неплохих лука с запасными тетивами и два колчана, полные стрел.

– Послушай, Слов, – сказал Фарри, когда они покинули и этот магазин, – а не купить ли нам новую одежду?

– Зачем? – удивился Слов. – По-моему, наша одежда еще неплохая.

– Ага, неплохая! – фыркнул Фарри, демонстрируя разрез на рукаве. – Ты разве не заметил, как на нас смотрят, когда мы заходим в магазины? Будто думают, что... не знаю. Словно думают, что мы можем у них что-то украсть. Вот посмотри.

Фарри указал на соседний магазин, возле входа в который стояла вешалка с разнообразными ремнями, а на витрине были выставлены пряжки всех форм и размеров. Туда как раз заходил молодой человек в аккуратной кожаной одежде. Выглядел он как человек, в кошельке которого водятся деньги. Не успел молодой человек еще ступить на порог, как в дверях павильона, кланяясь, появился хозяин. Он сделал учтивый жест, приглашая покупателя в свой магазин, а с губ его не сходила вежливая улыбка.

– И что? – спросил Слов.

– А ты сам не видишь? Смотри, как продавец его встречает! А как нас встречали?

– Может, продавец просто знает этого человека.

– Нет, брат. Думаю, дело в том, что этот покупатель выглядит обеспеченным. Вот глядя на меня, ты можешь сказать, что в моем кармане есть деньги?

– Может, ты и прав, – задумался Слов. – Только если мы так будем деньги тратить...

– Лучше, чтоб на нас смотрели как на голодранцев?

Новая одежда обошлась братьям еще в две золотые и пять серебряных монет. Слов ворчал, что деньги уходят слишком быстро, но Фарри буквально заставил его купить, кроме приличных кожаных штанов и курток, еще по паре крепких сапог и несколько смен белья. Переоделись братья прямо в магазине. Теперь мало кто отличил бы их от местных жителей. Картину портили только мечи, продолжавшие висеть в истрепанных веревочных петлях, но это только до завтрашнего вечера, когда будут готовы ножны.

Уже смеркалось, когда Фарри и Слов покинули базар и отправились на поиски гостиницы. Людей на улицах, к облегчению братьев, стало значительно меньше. Когда они наконец-то нашли нужную улицу, почти совсем стемнело.

– Похоже, вот она. – Слов указал на вывеску, на которой был нарисован человек, держащий в одной руке лук, а в другой – кружку.

Фарри толкнул тяжелую дверь, и в лицо братьям ударил желтоватый свет ламп, показавшийся нестерпимо ярким по сравнению с сумраком городских улиц. В общем зале гостиницы витали запахи, от которых рты Фарри и Слова тут же наполнились слюной. Слов тут же вспомнил, что последний пирожок они съели еще несколько часов назад. Большинство столов в зале были заняты. Посетители сидели в основном по три-четыре человека. Со всех сторон доносились обрывки разговоров, смех, стук кружек. В дальнем углу зала играли в кости, оживленно комментируя каждый бросок, а за одним из столов, где, похоже, обосновались посетители благородного происхождения, сдавали карты. Между столами сновали с подносами и кружками девушки, одежда которых была весьма откровенной, но в рамках приличий. Одна из официанток пробежала мимо замерших на пороге Фарри и Слова, одарив братьев улыбкой. Когда глаза немного привыкли к свету, Слов заметил хозяина гостиницы, внушительный живот которого был туго обтянут белоснежным фартуком. Он сидел развалившись на стуле возле бочек разного размера, выстроившихся у дальней стены. К нему братья и направились.

– Добрый вечер. – Фарри слегка поклонился хозяину. – Нам нужна комната.

Хозяин чуть подался вперед, окидывая братьев цепким взглядом. Видимо, новая одежда парней его полностью удовлетворила, и он кивнул.

– Одна на двоих?

– Да, – чуть подумав, ответил Слов.

– Десять медяков в день за двоих. Оплата вперед. Если столоваться тоже у меня будете – доплатите отдельно.

– Пойдет. – Слов протянул хозяину две серебряные монеты. – Пока заплатим за три дня, а там посмотрим.

– Зовите меня мастер Бровк. – Хозяин ловко выхватил деньги, и они исчезли где-то под его фартуком. – Желаете осмотреть комнату прямо сейчас?

– Сначала мы бы хотели поужинать, – сказал Фарри, но Слов толкнул его локтем.

– Да, пожалуйста. Нам надо оставить где-то вещи.

– Сари! – крикнул хозяин так, что братья подпрыгнули. – Покажи господам третью комнату!

Тут же перед ними выросла одна из официанток, и мастер Бровк протянул ей ключ, неведомо как появившийся в его руках.

– Пожалуйста, господа. – Девушка улыбнулась и, сделав легкий реверанс, поплыла через зал. – Следуйте за мной.

Они поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж, прошли по короткому коридору и остановились у одной из дверей. Всю дорогу девушка щебетала, расписывая Фарри и Слову достоинства этого заведения. Она не замолкала и когда отпирала дверь комнаты.

– Если пожелаете, то я мигом принесу воды для умывания. – Сари снова присела в реверансе и, хихикнув, добави-

ла: – Или еще что-нибудь. Если пожелаете.

– Умыться было бы неплохо, – заметил Слов, осматривая комнату.

Небольшая, но чистая. Две кровати стояли у противоположных стен, оставляя небольшой проход между собой. В стене, у изголовий кроватей, было большое окно, выходящее на улицу. В изножье кроватей стояли деревянные сундуки, в замках которых торчали ключи. Вешалка на три крючка была прибита к стене у дверей, а рядом с ней висел небольшой умывальник, под которым стоял на табуретке глиняный тазик.

– Сию минуту. – Девушка снова хихикнула и, лукаво улыбнувшись, испарилась.

– Тесновато. – Фарри бросил свой мешок на одну из кроватей и плюхнулся рядом, чуть попрыгав, чтобы оценить ее мягкость.

– Ты здесь плясать собрался? – Слов занял другую кровать. – В любом случае мы здесь ненадолго.

Через пару минут вернулась Сари. Она наполнила умывальник из пузатого кувшина и повернулась к братьям:

– Если кто-то из господ пожелает, я могу, всего за один серебряный, согреть ему постель.

Фарри и Слов переглянулись.

– Согреть постель? – переспросил Фарри.

– Спасибо, не надо, – ответил девушке Слов, и та, снова присев в реверансе, выбежала из комнаты.

– Можно подумать, тут постель холодная, – глядя вслед девушке, пожал плечами Слов. – Целую серебряную монету за то, чтобы согреть.

Фарри почесал затылок.

– Ладно, идем ужинать. А то у меня уже кишки жрут друг друга.

К счастью, несмотря на то что народу в общем зале было полно, Фарри и Слов все же смогли отыскать свободное место. За длинным столом, где устроились братья, сидел всего лишь один человек, судя по одежде – состоятельный торговец, да и тот клевал носом над объемистой кружкой, как заметил Фарри, практически пустой. Спал ли он или просто о чем-то глубоко задумался, но на двоих юношей, подсевших к его столу, торговец не обратил никакого внимания. Фарри и Слов и сами не искали общества. Усевшись на лавки по разные стороны стола, они принялись осматриваться.

В зале было шумно. Люди вокруг весело хохотали, бросая кости, или просто оживленно разговаривали. Атмосфера всеобщего веселья оказалась настолько заразной, что Слов поймал себя на том, что невольно улыбается, и эта улыбка делается все шире при каждом новом взрыве хохота. По залу сновали девушки-официантки, разнося полные кружки и убирая со столов пустую посуду. С кухни тянуло запахами, на которые желудки братьев отозвались бурным урчанием.

– Может, у хозяина попросить еды? – Слов прислушался

к бурчанию в животе. — Или как здесь принято?

Фарри пожал плечами. Он смотрел на девушку в обтягивающем платье с меховой оторочкой по подолу, которая, склонившись к двум солидным господам за соседним столиком, внимательно слушала и часто кивала. Когда же девушка, присев в легком реверансе, понеслась в сторону кухни, Фарри, изловчившись, схватил ее за руку.

— Мы с братом хотим поужинать, — сказал он, едва официантка остановилась.

Девушка ловко, со сноровкой, показывающей, что это не впервой, высвободила руку.

— Подождите, господа. — Стрельнув глазами, она помчалась дальше, говоря на ходу: — Через минутку подойду!

Фарри так и остался сидеть, провожая взглядом официантку. Тонкое платье, надетое на ней, не скрывало движений тела, и зрелище увлекло парня настолько, что он пришел в себя, только когда Слов потряс его за плечо.

— Наверное, все-таки надо подойти к хозяину.

— Она же сказала, что сейчас подойдет. — Фарри с сожалением посмотрел на дверь кухни, за которой скрылась официантка.

Им пришлось подождать еще минут десять, прежде чем запыхавшаяся девушка вновь остановилась перед столом, за которым сидели братья. За это время Фарри пытался поймать еще четырех официанток, но двое из них так же, как и первая, пообещали скоро вернуться и исчезали, а еще две

ловко увернулись от его рук.

– У нас сегодня прекрасное жаркое, – прощепетала девушка. – Есть еще горох, печеная картошка и овсяная каша.

– Жаркое, – одновременно сказали Фарри и Слов, отчего официантка хихикнула.

– Какое вино принести? Или, может быть, пива?

– Воды, – сказал Слов.

– Вина, – одновременно с братом произнес Фарри. Не обращая внимания на то, что Слов пнул его под столом, Фарри улыбнулся девушке: – Выбери, какое получше.

Официантка умчалась, а Фарри повернулся к брату:

– Ты чего?

– Зачем ты заказал вино? Разве не помнишь, что Алмо-стер говорил о вине, пиве и подобных напитках?

– Я помню, как он все время говорил, что ему не хватает хорошего вина. – Фарри помрачнел, вспомнив, при каких обстоятельствах они с братом покинули дом.

Судя по лицу Слова, подобные мысли пришли и ему в голову. Но все печали испарились, едва на столе перед ними оказались объемистые тарелки, доверху наполненные ароматным жарким, толстые ломти хлеба и пузатый кувшин. Рты братьев тут же заполнились слюной, а животы принялись бурчать без умолку, требуя скорейшего начала трапезы.

– Вкусно! – блаженно выдохнул Слов. Ложка в его руке с огромной скоростью отправляла в рот истекающие подливой куски мяса с овощами.

Не отставал от брата и Фарри. Тарелки опустели так быстро, что стороннему наблюдателю могло показаться, будто в них ничего и не было. Два молодых организма, к тому же изрядно проголодавшихся, в буквальном смысле проглотили все принесенное за считанные минуты. Посмотрев, как Слов пытается куском хлеба достать остатки подливки с блестящих чистотой, будто только вымытых, стенок тарелки, Фарри ухмыльнулся и потянулся за кувшином.

Вино показалось ему какой-то кислятиной. Пахло приятно, но на вкус... Единственное, что Фарри смог придумать, чтобы передать свои ощущения, – словно разжевал горсть незрелых ягод. Фарри оторвался от стакана и скривился.

– Что дядя нашел в этом вине? – спросил он у брата. – Хочешь попробовать?

Слов неодобрительно покачал головой, но принял из рук Фарри глиняный стакан. Юноша осторожно понюхал рубиновую жидкость, плескавшуюся на дне. Пахло... Необычно. Не сказать, что неприятно. Сделав небольшой глоток, юноша скривился, подобно брату. Кислятина!

– Сам пей такое! – Он вернул стакан с вином брату и потянулся за своим стаканом, наполненным чистой водой.

Фарри лишь пожал плечами. Но что-то же было в этом вине такое, что Алмоштер Бровин сожалел о его отсутствии! Может, с первого раза он просто не распробовал? Фарри вновь наполнил стакан. На этот раз рубиновая жидкость показалась не такой кислой. На языке даже осталось какое-то

приятное послевкусие. А если еще попробовать, то, может, оно станет еще вкуснее?

– Ты весь кувшин собираешься выпить? – Слов смотрел, как брат снова наполняет стакан.

– Ну, ты же не хочешь! – Фарри почувствовал, что язык не совсем послушен его воле. Слова произносились не то что с трудом, но приходилось прилагать некие усилия, чтобы выговорить все четко и внятно. В голове приятно зашумело.

Слов с подозрением уставился на брата:

– С тобой все в порядке?

– В... порядке... – кивнул Фарри. Голова юноши, когда он кивал, вдруг как-то слишком уж резко дернулась. Он почувствовал, что лицо его пылает. По правде говоря, он был совсем не в порядке. Может, слишком устал? Или это из-за вина? Фарри с подозрением посмотрел на кувшин, в котором осталась едва треть содержимого. Нет, наверное, все дело в том, что день был весьма насыщенным. Они с братом только прибыли в город – огромное, дивное место, наполненное толпами людей и всякими диковинками. Это все от долгой дороги и избытка впечатлений! Фарри вновь наполнил стакан. – Ч...то будем делать дальше? – Язык заплетался, и слова получались невнятными.

– Не знаю. – Слов покачал головой. Вдохнув, он посмотрел на лестницу, ведущую на второй этаж. – Я сегодня слишком устал, чтобы о чем-то думать.

– Да пере...стань, Слов! – Фарри махнул рукой, чуть не

зацепив кувшин. Он выкрикнул эти слова так громко, что кое-кто даже оглянулся. – Давай начнем сей... сейчас же! Только... Только давай прииумаем, што именно нач... начнем...

– По-моему, тебе уже хватит вина. – Слов решительно передвинул кувшин на другой конец стола, подальше от брата и поближе к их соседу, продолжавшему клевать носом.

Фарри потянулся за кувшином и чуть не упал, когда Слов легко оттолкнул его назад. Зал вдруг накренился и поплыл куда-то влево. Фарри так испугался, что вцепился руками в стол до боли в пальцах. Он тряхнул головой, но от этого шум в ней только усилился, а все окружающее опасно закачалось.

– Давай-ка вернемся в комнату. – Слов поднялся и, перешагнув через лавку, попытался поднять брата за плечи.

– Нет! – Фарри яростно отмахнулся. От резкого движения желудок вдруг запротестовал. – Я... – Как мог, он поднялся, отчаянно цепляясь за стол, чтобы удержаться на ставшем вдруг ненадежным полу. – Ик... идем в комнату...

Несмотря на продолжающуюся жестокую качку, Фарри, не без помощи брата, поднялся по лестнице. Эта комната или нет?

– Ты куда? – Слов потащил брата к соседней двери. Прислонив его к стене, он зашарил по карманам в поисках ключа.

Едва щелкнул замок, Фарри оттолкнул брата и ввалился в комнату. Глаза его сквозь туман, застивший вдруг все вокруг, нашарили большой шербатый таз для умывания.

– Если ты еще хоть раз выпьешь вина... – Постаравшись не смотреть на склонившегося над тазом брата и не слышать его, Слов сел на свою кровать. Брату явно плохо. Надо что-то делать, но что? Может, кого-то позвать? Глянув на брата, Слов отбросил эту мысль. Успокаивало его лишь то, что он никогда не слышал от Алмостера Бровина, чтобы от вина кто-то умирал.

– Пора подумать, что делать дальше, – заявил Слов за завтраком.

Фарри угрюмо ковырял вилкой яичницу. В голове после выпитого вчера вечером вина немного шумело, и пить хотелось гораздо больше, чем есть.

– Слов, дай поесть, а? – взмолился он. – Тем более не думаю, что разумно обсуждать такое дело здесь, при людях.

Слов оглядел общий зал – за столами сидело лишь несколько человек.

– Нечего было вчера пить, – проворчал он, но все же последовал пожеланию брата.

Поднявшись в свою комнату, братья уселись на кровати.

– Ну, так что? – спросил Слов. – Будем думать или и здесь найдешь какую-то причину, чтобы отложить дело?

Фарри вздохнул и полез в один из сундуков, куда братья заперли свои вещи. Он достал то, что они нашли в тайнике дяди, и разложил на кровати. Обгоревший свиток, небольшая книжечка и мешочек с деньгами.

– Давай сначала еще раз внимательно все изучим, – предложил Фарри. – С кошельком все ясно. Здесь деньги и перстень.

– А мне не все ясно с этим перстнем, – возразил Слов. – Почему дядя хранил его в тайнике, а не носил на пальце?

– А зачем ему золото в лесу? Может, он просто положил золото к золоту. – Фарри выудил из мешочка перстень и принялся его рассматривать.

– А может, этот перстень имел какое-то значение? – не унимался Слов.

Фарри надел перстень. Он пришелся как раз впору.

– Красивый, – произнес он, полюбовавшись украшением. – Только могли бы изобразить на нем что-нибудь получше, чем ворона. Слушай, ты не против, если я буду его носить?

– Как хочешь. – Слов пожал плечами и, покачав головой, взял с кровати книжечку.

Фарри, оставив перстень в покое, принялся, уже в который раз, перечитывать свиток.

– Здесь указано два имени, – задумчиво произнес он. – Первый – это, должно быть, наш отец. Сам Бровин Грах-Дормайл. Второй – наш дядя, которого отец оставил протектором. Алмостер Бровин Дормайл...

– А почему отец – Грах-Дормайл, а дядя – просто Дормайл? – Слов оторвался от книги.

– Откуда я знаю? Ты же у нас всегда умным был. Дядя

вон тебя мне всегда в пример ставил. Наверное, какие-нибудь юридические тонкости или еще что-то подобное. – Однако вопрос брата заставил Фарри задуматься. Чуть помолчав, он выдвинул предположение: – Оба они – Дормайлы, и это указывает на то, что они принадлежат к Дому Дормайл. Так?

Слов кивнул.

– Но мы даже не знаем, с чьей стороны дядя был нам родственником. – Фарри запнулся, но, мотнув головой, продолжал: – Может, он был братом не отцу, а матери?

– Нет, там же ниже написано: «Назначаю своего брата».

– Ну да, – согласился Фарри. – Слов, а что дядя рассказывал о законах? Насчет наследования?

– Наследование ведется по мужской линии. По принципу майората все права на наследство имеет старший сын. Если он умирает, не вступив в наследство или вступив в наследство, но не заведя своих детей, то права переходят к следующему по старшинству сыну...

– погоди! – Фарри выпрямился. – А если сыновей нет вообще? Если у главы Дома из детей – только дочери?

Слов задумался. Через какое-то время он покачал головой:

– Я таких тонкостей не помню. Надо бы с кем-нибудь, лучше разбирающимся в этих вопросах, посоветоваться. С юристом каким-нибудь...

– Ага. И зажечь сигнальный огонь для тех, кто хотел нас

убить, – фыркнул Фарри. – Сомневаюсь, что они отказались от своих намерений.

На какое-то время в комнате воцарилась тишина. Каждый размышлял над поставленным вопросом, пытаясь найти хоть какой-то ответ.

– Если следовать логике, – медленно, все еще обдумывая свои слова, произнес Слов, – то можно предположить, что право на наследование переходит к мужу старшей дочери.

– А если отец и был таким мужем старшей дочери? – подхватил идею Фарри. – Может, Грах – это название Дома, из которого происходила наша мать? Ты когда-нибудь слышал о Доме Грах?

Слов покачал головой:

– Может быть... Может быть... Слушай, я думаю, что лучше все же обратиться к кому-то, кто мог бы нам помочь все разузнать.

– Слов, а как же убийцы?

– А мы постараемся сделать так, чтобы не привлечь внимание. Скажем, найдем человека, который согласится собрать для нас все сведения о Доме Дормайл. Давай наймем юриста. Дядя говорил, что они никогда не разглашают тайны своих клиентов. Конечно, объяснять, зачем нам нужны эти сведения, мы не будем.

– Ну, если ты так считаешь... – неуверенно согласился с братом Фарри. – А что в той книжке?

Слов снова взял в руку книжечку, оставленную дядей.

– Здесь какие-то записи. Вот, послушай. – Он принялся читать, водя пальцем по странице. – «Клаим Рагх – 50». «Брег Строн – 18». «Завтра, в полдень, в таверне «Рыжий кот»...

– Что за ерунда? – Фарри мотнул головой.

– А вот здесь, – Слов перевернул несколько страниц, – какие-то рисунки.

Он протянул книжечку брату, и Фарри принялся рассматривать страницу. Она вся была исчеркана какими-то квадратами, треугольниками и кругами, внутри которых были написаны цифры. От фигур, иногда пересекаясь, тянулись стрелки, а в самом низу страницы было написано: «Карнейл».

– Ничего не понимаю. – Фарри пролистал книжечку, открыв последнюю заполненную страницу. – «Этвуд. Мэтр Со-вин – 50 золотых».

– Ну-ка дай... – Слов потянулся за книжкой и, взяв ее, принялся изучать последние страницы. – Здесь еще одна за-пись, где упоминается Этвуд. «Десятник городской стражи Этвуда, Горел Сам».

Они еще почти два часа изучали записную книжку дяди, пытаясь найти хоть что-то полезное. Имена, цифры... Изредка попадались названия городов и деревень. Несколько рисунков, схем, как та, на которую они обратили внимание ранее. Слов предположил, что на этих схемах может быть изображен ход каких-то сражений, в которых Алмостер Бровин

принимал участие, но Фарри возразил: они могут означать все что угодно. На одной из страниц было нарисовано женское лицо, впрочем, никаких пояснений к рисунку не было.

– Что ж, – подытожил Слов, глубоко зевнув, – у нас есть два имени в Этвуде. Давай с них и начнем. Хотя бы с этого Совина.

Снова заперев вещи в сундук, братья покинули комнату. Они спустились в общий зал. Мастер Бровк так и сидел возле бочек – похоже, он вообще никогда не отлучался с рабочего места. Увидев Фарри и Слова, он кивнул и вернулся к своему занятию – протиранию кружки, которая не особо в этом и нуждалась.

– Мастер Бровк, – Слов направился к хозяину, и Фарри, поколебавшись, последовал за ним, – нам необходимо найти одного человека. Вы не знаете, как это можно сделать?

– И кто же понадобился молодым господам? – Хозяин гостиницы снова отвлекся от кружки, впрочем не выпуская ее из рук.

– Некто Совин. Мэтр Совин.

– Мэтр? – Мастер Бровк кивнул. – Наверное, это юрист или какой-то чиновник. Спросите в магистрате. Как выйдете из гостиницы, поверните налево. От Рыночной площади к самому магистрату идет Торговый проспект.

– Спасибо, господин Бровк.

На улице было так же оживленно, как и вчера. Однако это уже не доставляло братьям такого неудобства, как вчера,

когда они только пришли в город. Возможно, причина была в том, что умение приспосабливаться к любой ситуации – бесспорное преимущество молодости. А может, озаботившись своими делами, Фарри и Слов просто не обращали на толкотню, царившую на улицах, такого уж большого внимания. Они инстинктивно выбирали нужное им течение в толпе, продвигаясь к своей цели.

Торговый проспект оказался таким широким, что здесь даже портшезы, которых было немало, плыли по проспекту, почти не сбавляя скорости. Дома, стоявшие по обеим сторонам проспекта, выглядели богато, а первые их этажи были в основном заняты различными магазинами.

– Может, зайдём? – Фарри указал на один магазин, на вывеске которого были изображены катушка ниток да ножницы, а витрина заставлена манекенами в роскошных одеждах. Он разрывался между желанием зайти в этот магазин и в другой, находившийся чуть дальше по проспекту, в зарешеченной витрине которого поблескивали золотом и серебром кольца, браслеты, цепи и другие украшения. Однако рассудил, что сначала лучше зайти в тот, который ближе.

– Фарри, мы не гулять вышли. – Слов потянул брата за руку, уводя от витрин. – Сначала дело, а потом, если захочешь, посмотрим город.

– Можно подумать, что лишние пара минут что-то изменят, – вздохнул Фарри, но позволил брату увлечь себя дальше.

Слов спешил по проспекту, двигаясь с такой скоростью, какая только возможна на многолюдной улице. Он даже по сторонам, в отличие от Фарри, почти не смотрел. Снова и снова Слов прокручивал в голове план предстоящих действий, раскладывая все по полочкам и тщательно обдумывая каждый пункт. Попасть в магистрат. Узнать, где можно найти мэтра Совина. Встретиться с этим господином, если это будет возможно. Выяснить... Что выяснить? Гул голосов вокруг отвлекал, но Слов упрямо пытался сосредоточиться. Выяснить... Узнать, какие дела связывали мэтра Совина и его дядю. Да, именно так! А еще, если разговор с мэтром пойдет гладко, попросить его собрать сведения о Доме Дормайл. Потом, если Слов поймет, что мэтру Совину можно доверять, попытаться разузнать у него, что же могло заставить брата главы Дома, назначенного протектором, прятаться в самой непроходимой глуши, какую только можно представить. И прятать наследников Дома. Может, тогда станет ясно, кто пытался их убить? Корни всей этой истории прячутся где-то в прошлом. Наверное – еще до их с Фарри рождения или вскоре после него.

А если найти мэтра Совина не удастся? Слов обдумал и такой вариант. Тогда надо искать того десятника, имя которого тоже упоминается в записной книжке дяди. Если он служил в городской страже, то, наверное, о нем тоже можно разузнать в магистрате. И что дальше? Прийти к нему: «Здравствуйте, господин Сам! Мы с братом – наследники

Дома Дормайл, но всю свою жизнь прожили в лесу. А недавно кто-то убил нашего дядю, в записях которого мы обнаружили ваше имя, и пытался убить нас»?

– Ты только посмотри! – Фарри дернул Слова за рукав.

Слов отвлекся от своих мыслей. Брат показывал на девушек, стоявших у витрины одного из магазинов, где были выставлены манекены в роскошнейших платьях. Точнее – на одну из этих девушек. Первое, что бросалось в глаза при виде ее, – длинное, до самой земли, ярко-рыжее платье. Тонкий, украшенный почти незаметной вышивкой, шелк так обтягивал ее точеную фигуру, что заставлял воображение просто сходить с ума. Волна блестящих, чуть рыжеватых волос падала на спину и рассыпалась по ней брызгами водопада в лучах рассвета. Лицо, гладкое, словно выточенное из мрамора гениальным мастером, было обращено к витрине, но с того места, где остановились братья, был виден профиль. Девушка разглядывала одно из платьев, задумчиво постукивая тонким пальчиком по пухлым губкам. Вторая девушка была чуть младше первой – примерно того же возраста, что и братья. Одета она была гораздо скромнее. Видимо, служанка. Она просто стояла позади своей хозяйки, держа в руках небольшую сумочку из меха лисы. Однако девушки были не одни. Стоявшие чуть поодаль двое высоких мужчин внимательно следили за проходящими мимо людьми. Под рыжими же табардами, на которых был изображен зеленый бегущий лис, поблескивали кольчуги, а руки лежали на эфесах

мечей так, что всякому становилось понятно – обращаться с оружием эти двое умеют. Взгляды мужчин были остры, как отточенная сталь. На каждого прохожего они смотрели так, словно ожидали нападения и были готовы немедленно броситься на защиту дам, несомненно находящихся под их охраной. Было ли им из-за чего беспокоиться или нет, но практически все мужчины, проходящие мимо девушек, не отрывали от красавиц взглядов.

– Дом Рафокс. – Мысли в голове Слова сразу стали далеки от их с братом проблем. – Возможно, она – дочь самого главы Дома...

Охранники девушки обратили внимание на двух парней, остановившихся посреди проспекта и откровенно глазеющих на их хозяйку. Взгляды их, если такое возможно, стали еще тяжелее, а один, тот, что справа, даже подался вперед.

– Пойдем! – заторопился Слов, буквально потащив за собой Фарри. – Еще на неприятности нарвемся!

Однако сам он не отводил от девушек взгляда, пока его шея давала голове поворачиваться.

– Как думаешь, когда мы займем свое место... – задумчиво начал Фарри, когда девушки остались позади.

– Сомневаюсь, – перебил Слов. – Она принадлежит к одному из Великих Домов, а мы – к малому Дому.

Фарри невнятно что-то пробурчал, в последний раз оглянувшись, зашагал рядом с братом. Впереди, поверх людских голов, уже отчетливо был виден большой купол, над которым

трепетал зеленый флаг.

Магистрат оказался куда больше, чем Фарри и Слов могли представить. Огромное здание гордо стояло посреди площади, обособившись от окружающих его домов. Оно было выстроено без особых излишеств – простой серый камень, без резьбы, лепнины или других украшений, которых можно было ожидать в украшении столь важного сооружения. Однако, несмотря на свою простоту, магистрат производил гораздо большее впечатление, чем окружающие площадь здания, которые словно состязались в роскоши. Так волк смотрится внушительнее и благороднее какой-нибудь мелкой породистой собачонки, пусть даже та выделяется причудливой мордочкой и украшена шелками и драгоценностями. Суровая простота, от которой исходит сила и значительность.

Фарри и Слов направились к дверям магистрата. Вопреки опасениям, стоящие по обе стороны дверей стражники не остановили их и даже не осведомились, по какому вопросу братьям понадобилось прийти сюда. Парни беспрепятственно зашли внутрь и оказались в большом зале, заставленном столами, за которым работали люди в зеленых шерстяных куртках, украшенных знаком Дома Вудакс. Повсюду скрипели перья, раздавались шепотки, а в воздухе царил запах бумаги и чернил. Множество чиновников сидели за столами или сновали между ними со стопками бумаг или с пустыми руками, но всегда – бегом.

– Могу я чем-то помочь, господа? – Тихий голос не сразу

пробился в сознание братьев, растерянно застывших у самого входа. Войдя, они даже не заметили, что у дверей, отдельно от остальных, стоит еще один стол.

– Простите... – Слов прокашлялся и поклонился чиновнику. – Нам надо найти одного человека. Мэтра Совина.

– Пройдите, пожалуйста, к девятнадцатому столу. – Чиновник любезно улыбнулся и, указав рукой направление, откинулся на спинку стула.

Найти указанный стол оказалось не так уж и просто. Фарри и Слову пришлось раза три спрашивать дорогу у клерков. Еще чаще им приходилось отскакивать в сторону, пропуская спешащего чиновника, стараясь при этом не налететь на какой-нибудь из столов. Добравшись наконец до цели, они остановились перед девятнадцатым столом, за которым сидел маленький человечек, быстро перелистывающий страницы какой-то книги. Время от времени он кивал, словно найдя нужное, но ни на одной из страниц не останавливался дольше чем на несколько секунд.

– Э-э-э... Мэтр Совин? – Слов неуверенно замялся.

Человечек поднял голову от книги и подслеповато прищурился, недовольный, что его отвлекли.

– Нет, господа, – ответил он, внимательно осмотрев братьев. Было видно, что ему не терпится снова вернуться к своей книге.

– Нам надо найти мэтра Совина. Человек на входе направил нас к вам. Я подумал...

– Да-да. – Чиновник вздохнул. – Чем мэтр занимается? Юрист? Чиновник? Судья? Нет, если бы он был судьей – я бы знал это имя... Ну?

– Мы не знаем. – Слов ненадолго задумался. – Нам рекомендовали обратиться к нему, но не сказали, как его найти.

– Один серебряный. – Чиновник вздохнул еще более тяжело.

Фарри протянул ему монету, но тот указал глазами на небольшой ящик с прорезью на крышке, практически затерявшийся на заваленном книгами и бумагами столе. Когда монета звякнула о дно ящика, маленький человек удовлетворенно кивнул.

– Попробуем посмотреть среди юристов, – задумчиво сказал он, вытаскивая одну из книг из-под завалов на столе. – Так...

Какое-то время он листал страницы, что-то еле слышно бормоча:

– Сабат... Смони... Сноук... – Наконец его палец остановился на одной из строчек. – Совин. Лесная улица, дом пять. Что-то еще, господа?

– Спасибо, – поклонился Слов.

– А как нам попасть на эту улицу? – спросил Фарри.

Чиновник только пожал плечами и, похоже начисто забыв о посетителях, вернулся к книге, которую изучал до их прихода. Чуть помявшись, Фарри и Слов двинулись к выходу.

Пришлось постараться, чтобы найти Лесную улицу. Фар-

ри сбился со счета, сколько раз они спрашивали прохожих. Двадцать человек? Тридцать? И две трети из тех, к кому братья обращались с вопросом, попросту проходили мимо, даже не повернув головы. Однако кое-кто все же подсказывал Фарри и Слову нужное направление. Вначале, когда они только вышли из магистрата, те, кто соизволил ответить на вопрос, просто махали рукой в нужную сторону и говорили, что Лесная улица «где-то там». Потом, по мере продвижения в нужном направлении, ответы становились все увереннее. «Прямо по улице, а там – спросите». «Направо и через два перекрестка – снова направо». «Идите прямо и на следующем перекрестке поверните налево». Наконец один из прохожих указал на узкую улицу, сворачивающую направо от той, по которой шли Фарри и Слов. Лесная улица оказалась на северной окраине города. Дома здесь были ветхие, давно нуждающиеся в ремонте. Примерно так же выглядели и люди – потрепанные, хмурые, с тусклыми глазами. Контраст с той частью города, где располагалась гостиница, в которой Фарри и Слов остановились, был просто потрясающим.

На искомом доме не оказалось никакой таблички. Ничто не говорило о том, что мэтр Совин проживает именно здесь. Фарри и Слову пришлось отсчитывать дома, гадая, как идет их нумерация, и полагаясь на удачу. Дверь, перед которой они остановились, была сколочена из толстых досок, давно разошедшихся от старости. Краска, покрывающая ее, давно уже потеряла свой цвет и пошла трещинами.

– Думаешь, это здесь? – Фарри с сомнением посмотрел на дверь. – Выглядит как-то...

– Не знаю, – пробормотал Слов, оглядываясь по сторонам. – Но не поворачивать же обратно.

Он неуверенно, словно боясь, что доски рассыплются от одного прикосновения, постучал. Тишина в ответ. Постучал сильнее...

– Вам что здесь нужно? – Позади них стоял молодой человек, одетый в выдавшие виды одежды. Вылинявшая куртка была изрядно потерта. Кое-где по ткани змеились швы, указывавшие, что одежду не раз чинили. Не лучше выглядели и штаны, а краска на сапогах давным-давно вытерлась. Единственным предметом его одежды, диссонирующим с остальными, была широкополая шляпа, выглядевшая такой же старой, но с претензией на нечто большее.

– Мы ищем мэтра Совина, – ответил Фарри, разглядывая незнакомца. – Может, вы подскажете...

– Зачем он вам?

– По одному делу, – осторожно ответил Слов.

– По делу, говорите? – Молодой человек на секунду задумался, а потом кивнул какой-то своей мысли. – Если по делу, то я и есть мэтр Совин.

Он прошел мимо не верящих своей удаче парней и загрохотал кулаком в дверь.

– Ботси! – крикнул он так, что Фарри аж подпрыгнул, а Слов в недоумении воззрился на Совина. – Открывай!

Он продолжал колотить в дверь, пока та не открылась.

– Чего орешь, Совин? – На пороге появилась сгорбленная старушка, гневно взирающая на нарушителя спокойствия. – Грохочешь тут... Хватит орать, или я тебя так веником отпую – мэтр ты там или не мэтр!

Старушка исчезла в темном проеме, а мэтр Совин повернулся к братьям.

– Прошу! – Он сделал жест, приглашающий визитеров пройти внутрь.

Они прошли по длинному темному коридору, света в котором было ровно столько, чтобы видеть очертания предметов или людей, идущих впереди. При каждом шаге жалобно скрипели половицы, вряд ли бывшие в лучшем состоянии, чем доски двери.

– Сюда. – Мэтр Совин указал на одну из дверей и отпер ее.

Несколько раз чиркнув огнем, мэтр Совин зажег небольшую лампу, и слабый свет озарил комнатку, казавшуюся еще меньше, чем на самом деле, из-за нагромождения мебели. В помещении, ненамного большем, чем гостиничная комната, где остановились Фарри и Слов, каким-то образом умудрились поместиться узкая кровать, белье на которой было разворошено так, словно какой-то зверь свил там гнездо, здоровенный шкаф, сквозь приоткрытые дверцы которого свешивался до самого пола смятый рукав, огромный письменный стол, который, если бы не был таким обшарпанным, вполне уместно смотрелся бы в просторном кабинете,

и небольшой книжный шкаф, забитый истрепанными книгами. Мэтр Совин указал Фарри и Слову на кровать, а сам уселся за стол. Он сгреб в сторону ворох каких-то старых бумаг, чуть не сбросив при этом на пол глиняную тарелку, и водрузил на стол ноги.

– Так какое дело вас привело ко мне, господа?

Слов неуверенно посмотрел на разворошенную постель, но вслед за братом осторожно присел на самый краешек.

– Видите ли... – начал Фарри, но Слов, осененный какой-то мыслью, положил руку ему на плечо.

– Извините, – сказал он, поднимаясь, – но, видимо, мы все же ошиблись.

Фарри недоуменно захлопал глазами, уставившись на брата. Мэтр Совин нахмурился.

– Сначала вы говорите, что ищете мэтра Совина, – медленно произнес он. – Когда я говорю вам, что вы нашли его, и приглашаю в свой дом, вам вдруг приходит в голову, что мэтр Совин уже не нужен. И как прикажете понимать это, господа?

– Нам нужен мэтр Совин, – неуверенно произнес Слов. – Однако, возможно, нам нужен другой мэтр Совин...

– Слов... – Фарри продолжал таращиться на брата, не понимая, что на того нашло.

– Если вам нужен именно мэтр Совин, – хозяин комнаты сделал ударение на слово «мэтр», – то другого вы в Этвуде не найдете. Что вас натолкнуло на мысль об ошибке?

– Вопрос, по которому мы пришли... – Слов чуть подумал и снова сел на кровать. – К этому вопросу мэтр Совин имел отношение пятнадцать – семнадцать лет назад. Вы выглядите слишком молодо, чтобы быть тем самым мэтром Совином.

В глазах Фарри наконец-то появилось понимание, и он, подивившись, как не догадался об этом сам, перевел взгляд на хозяина комнаты.

– Значит, в том деле участвовал мой отец. – Молодой человек пожал плечами. – Других мэтров Совинов в городе никогда не было.

– Ваш отец? – Слов кивнул своим мыслям. – Вполне возможно... Однако...

– Давайте-ка вы изложите мне суть дела, а я скажу, смогу ли помочь вам.

– Мэтр Совин имел дело с Алмостером Бровином, – быстро сказал Фарри, пока Слов раздумывал над предложением молодого мэтра Совина.

– Фарри! – Слов повернулся к брату, но тот, отмахнувшись, продолжил. Ни один из парней не заметил, что взгляд мэтра Совина последовал за рукой Фарри, на которой, в свете лампы, блеснул перстень.

– Алмостером Бровином Дормайлом, – уточнил он, не обращая внимания, что при этих словах Слов судорожно вдохнул. – И мы хотели бы узнать, что именно это было за дело.

– Алмостер Бровин Дормайл... – Мэтр Совин поднялся из-за стола и прошелся по комнате.

– Да, – подтвердил Слов, и было понятно, что это слово далось ему с трудом.

– Не припоминаю такого... – пробормотал мэтр Совин. – К сожалению...

– Простите за беспокойство. – Слов поднялся и потянул за собой Фарри. – Тогда мы пойдем...

– Погодите! – Мэтр Совин остановился и резко поднял руку. – Я не сказал, что не могу совсем ничем вам помочь.

Он снова замолчал и зашагал по комнате, что-то бормоча и кидая на братьев косые взгляды.

– У меня остались кое-какие бумаги отца, – наконец сказал он. – Я могу поискать там и, возможно, найду то, что вас заинтересует. Если, конечно, я смогу разгласить эти сведения.

– Мы будем очень благодарны, – оживился Фарри. – И еще нам нужны сведения о Доме Дормайл. Насчет оплаты...

– О, не беспокойтесь! – улыбнулся мэтр Совин. – Если я смогу вам помочь, то мы отдельно поговорим об оплате. Скажите мне, где вас найти, и завтра я сообщу вам, смогу ли чем-то помочь.

– Гостиница «Веселый охотник», – быстро сказал Фарри. – Это рядом с Рыночной площадью.

– Да-да, я знаю это место. Значит, ждите меня там завтра вечером. Надеюсь, я смогу вам помочь. – Мэтр Совин, прощаясь, протянул братьям руку. Когда Фарри ответил на рукопожатие, взгляд мэтра снова скользнул по его перстню. –

Всего вам доброго, господа.

Отойдя на несколько десятков шагов от дома мэтра Совина, Слов набросился на Фарри.

– У тебя мозги в голове есть? – зло прошипел он. – Или ты совсем ум потерял? Забыл, что на нас могут охотиться? Раскрывать имя...

– А как ты хотел? – ответил Фарри. – Вообще не называть имен?

Слов задохнулся от ярости.

– Ваш отец имел дело с неким человеком, – Фарри передразнил голос Слова, – но мы не можем назвать его имени... Но вы нам помогите найти то, о чем мы не можем вам сказать... Так, да?

Слов отпустил руку брата.

– Может, ты и прав, – вздохнув, спокойно сказал он. – У нас действительно не получится узнать хоть что-то, не назвав имен.

– Ты тоже прав. Мне надо быть осторожнее, – признал Фарри. – Будем надеяться, что я не зря рискнул и этот мэтр Совин действительно нам поможет.

– А если нет, – добавил Слов, – то он хотя бы соберет информацию о Доме Дормайл. И потом, у нас есть еще одно имя – десятник Сам.

Помирившись, братья пошли прочь от Лесной улицы. Уже вечерело, и, опасаясь заблудиться в темноте, они все ускоряли и ускоряли шаг. Кроме того, следовало еще забрать нож-

ны у мастера Балда, а тот вряд ли будет ожидать до ночи. Конечно, ничто не помешает забрать их утром, но Фарри и Слову не терпелось получить обновку. Особенно Фарри.

Едва братья успели отойти на пару десятков шагов от двери в обитель мэтра Совина, из той же двери выскользнула темная фигура. Посмотрев вслед удаляющимся Фарри и Слову, мэтр Совин поглубже нахлобучил на голову выдавшую виды шляпу с обвисшими полями. Глаза его алчно блеснули. Если бы кто-то увидел этот взгляд, то сильно удивился бы, что мужчина не потирает руки. Весь вид этого потрепанного жизнью человека наводил на мысль, что он в предвкушении какого-то куша, который может кардинально изменить все в его жизни. Именно так мэтр Совин и думал. Дождавшись, пока Фарри и Слов дойдут до поворота, он пустил вслед за ними.

По пути юношам снова пришлось несколько раз спрашивать дорогу, но на этот раз им подсказывал каждый. Еде находится Рыночная площадь, в городе знали все. Вот и она – несмотря на поздний час, такая же многолюдная, как и днем. Чуть поплутав по торговым рядам, Фарри и Слов наконец нашли павильон мастера Балда. Хозяин все еще был там, и даже если собирался закрываться, то этого не было заметно.

– Добрый вечер, господа, – таким же спокойным тоном, какой они запомнили по вчерашнему дню, приветствовал он братьев. – Проходите, пожалуйста.

– Добрый вечер, мастер Балд, – улыбнулся Фарри. – Из-

вините, если мы слишком поздно...

– Что вы, что вы! – Мастер Балд прошел в глубь павильона. – Дайте, пожалуйста, ваши мечи.

Переглянувшись, Фарри и Слов протянули продавцу свое оружие.

– Надо еще кое-что закончить, – пояснил он. – Я же не могу отдать вам ножны без окончательной подгонки.

Продавец скрылся за внутренней дверью, и вскоре оттуда раздались негромкие удары, шорох кожи и прочие звуки, свидетельствующие о том, что мастер занят своей работой.

– Смотри, какой красавец! – Фарри указал на длинный кинжал, лежащий на оружейной стойке.

– У тебя уже есть кинжал. – Слов бросил только один взгляд на оружие, на которое указывал брат. Сам он рассматривал странное копьё. Длиной чуть выше его роста. Толстое древко было усеяно бронзовыми заклепками, поблескивающими на свету. Но самым странным в этом копьё был наконечник, более похожий на меч. Изогнутый, остро заточенный клинок придавал копьё хищный вид.

– Это глефа. Такое оружие популярно в землях Дома Вулхоф. – Мастер Балд появился неслышно. – Неплохо служит против конницы Дома Варрайд. Вот ваши ножны.

Он протянул братьям ножны, в которые уже были вложены мечи. Фарри и Слов осторожно взяли их и принялись осматривать работу. Насколько они могли судить, сделано было на высшем уровне. Хоть ножны и выглядели просто, но

работа была выполнена качественно и очень аккуратно.

Слов поблагодарил, и мастер Балд чуть поклонился. Фарри сразу же повесил ножны на свой пояс.

– А может, у вас перевязи есть? – спросил он, поправляя ремень, который стал сползать под весом меча.

– К сожалению, нет, господа, – покачал головой продавец. – Однако вы можете найти что-то подходящее в соседнем магазине.

– Спасибо, – снова поблагодарил Слов.

– Заходите. Если вам понадобится хорошее оружие...

Слов не протестовал против того, чтобы потратить еще немного денег на перевязи. Они действительно продавались в магазине рядом с павильоном мастера Балда. Там Фарри и Слов выбрали себе простые, но добротно сделанные перевязи. Пришлось подождать, пока продавец подгонит все по размеру, но это не заняло много времени. Когда братья вновь вышли на улицу, уже почти стемнело.

– Если я сейчас чего-то не съем, то съем кого-то. – Желудок Фарри согласно заурчал. Кроме завтрака, в животы братьев за весь день не попало ни крошки, а ведь завтрак был уже ой как давно!

– Только не меня, – проворчал Слов. Несмотря на то что желудок его был так же пуст, как и у брата, настроение было приподнятым. Он посмотрел на Фарри, поглаживающего новые ножны, висящие на новой перевязи. – Идем-ка в гостиницу. Может, там на кухне осталось еще хоть что-то на

ужин.

Минут через сорок сытые и довольные Фарри и Слов сидели развалиясь в общем зале «Веселого охотника». Фарри отодвинул в сторону опустевшую тарелку, в которой только что была щедрая горка тушеного мяса, и довольно улыбнулся.

– Принеси-ка мне вина, пожалуйста. – Он поймал за руку пробегающую мимо официантку. – И брату – тоже.

– Тебе мало сегодняшнего утра? – спросил Слов, отрываясь от своей тарелки. – По-моему, утром ты не был в восторге от выпитого вчера вечером вина.

– Зато вчера вечером оно мне даже начало нравиться, – возразил Фарри. – Не думаю, что будет вред от одного стакана.

– Как хочешь. – Слов пожал плечами и снова уткнулся в тарелку. – Только с чего ты взял, что я буду его пить?

– Ты не можешь не попробовать, – засмеялся Фарри, вкладывая монету в руку девушки, принесшей вино. – Дядя так жалел, что у нас не было вина. И потом, оно ведь уже стоит перед твоим носом!

От соседнего столика долетел особо громкий взрыв хохота. Когда Фарри и Слов вошли в общий зал, там уже сидела компания из пяти молодых господ. Старше Фарри и Слова, судя по внешнему виду, был только один из них. Он, как заметил Фарри, и платил за выпивку. Да и сложно было это не заметить – остальные громко провозглашали хвалу угоща-

ющею после каждого стакана. Все были одеты в кожу, что выдавало в них местных жителей. А разноцветные полосы на рукавах и значки с гербами на груди указывали, что веселящиеся юноши – отпрыски благородных Домов. Впрочем, ни одного представителя Великого Дома среди них не было. Все то время, пока братья ужинали, компания весело играла в карты, а количество вина, выпитого за их столом, явно превосходило разумные пределы.

– Возможно, ему лучше было бы выпить молока. – Слова были произнесены тихо, но не настолько, чтобы их не слышали за пределами столика. А последовавший смех был слишком громким. Взгляды, брошенные на Слова, не оставляли сомнений, кого имеет в виду шутник.

– По крайней мере, мой брат в состоянии сам купить себе выпивку. – Фарри глотнул вина и демонстративно отвернулся.

– Ты хочешь на ссору нарваться? – тихо спросил Слов, не поднимая глаз от тарелки.

– А ты хочешь сидеть и молча слушать, как тебя оскорбляют? – так же тихо парировал Фарри. Голос его звучал беззаботно, но парень прислушивался к тишине, сменившей веселье за соседним столиком.

Слов пожал плечами. Судя по всему, пьяные шутки этих весельчаков его не особо и задевали. Он попросту не обращал на них внимания. Если бы не брат... Пусть бы смеялись себе, пока не охрипнут!

– Мало чести купить выпивку и не прикасаться к ней, – снова донеслось от соседей. – В этом, по-моему, гораздо больше глупости.

Новая вспышка смеха. На этот раз настолько демонстративного, что Фарри покраснел от злости, но Слов еле заметно покачал головой.

– Сиди! – шепнул он.

В этот момент в зале появился новый посетитель. Тоже молодой парень и тоже одетый как благородный. Кожаная куртка его была зеленой, а рукава ее украшали синие, фиолетовые и зеленые полосы. На груди новоприбывшего был приколот круглый значок с гербом: черный топор на зеленом поле, показывающий, что его Дом – вассал Дома Вудакс, в левой верхней четверти; устремленный вверх черный сжатый кулак – герб его Дома – в правой верхней четверти, и вертикальные полосы, в цвет тех, что красовались на его рукавах, – в нижней половине круга. Не было сомнений, что это еще один участник компании, с которой у братьев назревала ссора. В подтверждение этого он и направился, не останавливаясь в дверях, к приятелям.

– Зелин! – приветствовали его дружным криком товарищи. – Ты где пропадал столько времени? Мы уж думали, совсем нас забыл!

Слов вздохнул с облегчением. То, что внимание этой компании переключилось на новоприбывшего, значительно уменьшило вероятность ссоры. Может, и Фарри успокоит-

ся... Только бы никто не вспомнил, что еще пару минут назад брат обменивался с этими повесами колкостями! Только бы...

– Интересно, он сам купит себе выпивку, – Фарри грохнул по столу опустевшим стаканом, – или монеты из кошелька того парня польются в еще одну глотку?

Тишина, окутавшая зал, была практически осязаема. Даже те, кто не имел никакого отношения к ссоре, те, кто вообще сидел в другом конце зала и не был в курсе происходящего, замолчали. Напрягся и хозяин, явно не зная, бежать ли за стражей, чтобы предотвратить намечающуюся драку, или все обойдется. Все взгляды обратились к столику, за которым сидели братья. Слов старался не смотреть на соседей, но краем глаза все же заметил, как медленно повернулось к ним обрамленное курчавыми черными волосами, холеное, с печатью высокомерия лицо новоприбывшего.

– Здесь какие-то хамы, – отчетливо прозвучал в тишине голос старшего в компании гуляк, – все нарываюется на ссору.

– Мы бы и не обратили на вас внимания, – Слов глянул говорившему прямо в глаза, – если бы на нас не обращали внимания вы.

– Понимаешь, о чем я? – покачал головой старший. – Теперь они утверждают, что мы недостойны их внимания...

– Возможно, эти двое – члены какого-нибудь Великого Дома, по какой-то причине скрывающие свои цвета? – Новоприбывший чуть склонил голову. – В таком случае я прино-

шу свои извинения. Я никогда не поверю, что какое-нибудь быдло, не произошедшее от подзаборной шлюхи и ее пьяного клиента, посмело бы так разговаривать с людьми благородного происхождения.

Слов тяжело вздохнул, понимая, что этот хлыщ, не подозревая о настоящем происхождении братьев, хотел нанести им оскорбление, единственным ответом на которое может быть только немедленное кровопролитие. Однако Фарри лишь кивнул, словно принимая извинения, и отвернулся от компании. Кто-то изумленно присвистнул.

– Я снова прошу прощения. – Когда Слов снова поднял глаза, парень уже стоял возле их столика. Увидев, что ему удалось привлечь внимание, он поклонился с наигранным уважением. – Не могли бы господа удовлетворить мое любопытство и ответить мне – к какому благородному Дому они принадлежат? Если это не секрет, конечно.

– Дом Дормайл, – ответил Фарри, не успев Слов и рта раскрыть. Фарри глянул незнакомцу прямо в глаза, ожидая ответа.

Глаза незнакомца расширились.

– Благодарю. – Он, так и не представившись сам, снова поклонился и отошел к своим приятелям.

Слов мысленно схватился за голову. Пинать брата под столом было уже слишком поздно. Слова вылетели, и обратно в рот их уже не запихнешь... Слов пообещал себе, что если Фарри еще когда-нибудь захочет выпить вина, то он отве-

сит брату крепкую оплеуху. Хотя язык Фарри, похоже, метет и без всякого вина, остается уповать лишь на то, что никаких последствий этого случая не будет. Что, например, завтра утром их не будут поджидать у входа в «Веселого охотника» убийцы... Что в их еде не окажется случайно яд... Но на всякий случай он все же пнул брата под столом. Пнул так, что тот подскочил как ужаленный.

– Идиот! – еле слышно шепнул Слов.

Разозлившись, он резко поднялся и пошел к себе в комнату, даже не взглянув на брата второй раз. Слов вбивал подошвы сапог в ступени лестницы с такой силой, словно хотел проломить их. Дверь за его спиной хлопнула так, что со стены обвалился кусок штукатурки. Войдя в комнату, Слов сел на свою кровать и уткнул лицо в сложенные ладони.

– Дурак пустоголовый! – простонал он.

– Да ладно тебе! – Фарри, покачнувшись, аккуратно закрыл дверь. – Надо было как-то ответить этому благородному хаму! Слов, да у меня уже руки чесались выхватить меч!

Ничего не ответив, Слов прямо в одежде повалился на постель и отвернулся к стене. Фарри немного постоял в дверях, глядя на брата, и тяжело вздохнул:

– Ладно, Слов. Извини!

Фарри упал на свою постель. Да, он погорячился. И совсем не вино было тому причиной! Он не понимал, как Слов мог спокойно реагировать на те замечания, которые отпускали благородные наглецы. Благородные! Можно подумать,

что они с братом – не благородные! Хамят, задирают людей... Так, словно им позволено все! Словно они в любом случае останутся безнаказанными! Нет, надо было молча встать и двинуть в челюсть кому-нибудь из них... А еще лучше – сломать о чью-то голову стул!

Фарри не заметил, как уснул. За окном давно царила ночь... Слов тоже начал тихонько похрапывать. Закончился их второй день в Этвуде. Непонятно, хорошо он прошел или плохо. С одной стороны, они нашли мэтра Совина, пусть не того, о котором писал дядя, но мэтр пообещал подумать, чем сможет помочь братьям. С другой стороны, их родовое имя прозвучало сегодня целых два раза. Причем последний раз название Дома Дормайл прозвучало там, где было слишком много лишних ушей.

Не прошла еще половина ночи, когда громкий стук в дверь разбудил братьев.

– Что?.. – Фарри вскинулся, пытаясь понять, не приснился ли ему этот стук. Судя по тому, что Слов тоже сидел в своей постели, стук прозвучал на самом деле.

Снова в дверь загрохотали. Слов, окончательно проснувшись, соскочил с кровати и выхватил меч из ножен. Фарри если и отстал от него, то лишь на секунду. Выставив перед собой оружие, братья стояли перед запертой дверью.

– Открывайте! – раздалось из-за двери, и, словно в подтверждение слов, снова загрохотали о дерево кулаки. – Городская стража!

– Доволен? – буркнул Слов, понимая, что не время сейчас разбираться, кто прав, а кто виноват. – И что будем делать?

– Открывать. – Фарри опустил меч. – Не в окно же прыгать, тем более что они могут и там нас ждать.

Слов положил меч на кровать и подошел к двери. Скрежетнул в замке ключ, дверь распахнулась, и в открывшийся проем один за другим вломились четверо стражников. В комнате стало так тесно, что казалось, даже пошевелиться негде! Даже если бы моментально скрутившие братьев стражники позволили пошевелиться.

– Вы обвиняетесь в краже имущества Зелина Свойла Граха, – бросил один из стражников.

– Какой краже? – вскинулся Слов, но братьев никто не слушал. Не давая даже поднять головы, их протащили по коридору, мимо мнущегося у дверей мастера Бровка, на улицу.

– Может, хватит уже? – Фарри мерил шагами узкую камеру, в которую бросили их с братом.

С того момента, как они оказались в тюрьме – сколько же времени уже прошло? – Слов не сказал Фарри ни слова. Все из-за его длинного языка! Сначала выложить все мэтру Совину, который был явно не тем человеком, о ком писал дядя! Потом заявить, что они – Дормайлы, человеку, который нарывается на ссору! В набитом людьми общем зале гостиницы! Слов знал, что Фарри легкомысленный, но не до такой же степени! И чем все закончилось? Тем, что они

оказались в этом каменном мешке, вместо того чтобы отоспаться за ночь, а утром снова приступить к делам. Тем, что они потеряли все свои вещи и вполне могут потерять жизни. Да что там «вполне могут»! Неспроста ведь их обвинили в краже, которой они не совершали. Так, на пустом месте, заявить, будто Слов и Фарри что-то украли у того индюка... Хотя, может, это месть этого... как его?.. Зелина Граха за ту ссору? Стоп! Трах? Отца Фарри и Слова звали Сам Бровин Трах-Дормайл. Уж не родственничек ли объявился? Судя по одежде, равно как и по поведению, он – из благородных. Вполне может быть... Вполне! Слов покачал головой и бросил взгляд на брата.

Фарри уже столько времени мерил шагами камеру, что если сложить пройденное, то получилось бы приличное расстояние. Он не понимал, как Слов может вот так сидеть и ничего не делать. Нет, брат, конечно, расстроен, но... На Фарри, всю жизнь проводшего на лесных просторах, эта камера действовала угнетающе. Ха! Камера! Он вообще не понимал, как сюда можно поместить человека. Они с братом даже рассмотреть эту камеру смогли, только когда их сюда заводили. Темнота здесь была хоть глаз выколи. Полоса света от горевшего в коридоре фонаря, когда открыли дверь, чтобы запустить в камеру братьев, осветила на какие-то мгновения маленькое помещение – шагов пять на пять. Две узкие койки у противоположных стен, дыра в углу, куда, судя по запаху, положено справлять естественные потребности... Вот и вся

обстановка. Даже окон и тех не было! Фарри только заметил в потолке несколько отверстий для вентиляции, но в них не проникало ни лучика света, а размеры этих отверстий были таковы, что туда вряд ли пролезла бы и крыса. Когда дверь захлопнулась за спинами братьев, камера потонула в темноте. Чуть-чуть света проникало только сквозь маленькое за решеченное окошко в двери, но, сколько Фарри ни старался, больше куска стены коридора напротив двери он рассмотреть не мог.

– Слов, ну дурак я! – Фарри остановился перед братом. – Мозгов у меня – не больше, чем у лося во время гона!

– Знаешь, меня это очень утешает, – язвительно ответил Слов, но Фарри облегченно вздохнул. Было бы гораздо хуже, если бы брат вообще с ним не разговаривал.

– Надо думать, как отсюда выбираться. – Фарри сел на свою койку, снова встал и подошел к двери.

– Как ты отсюда выберешься? Протиснешься в ту вонючую дыру? – Слов указал на парашу, хотя в темноте Фарри вряд ли увидел бы его жест. – Или пройдешь сквозь стену?

– А что, сидеть и ждать, пока... – Чего ждать, Фарри не знал и сам. Может быть – пока их станут судить (или как тут еще с преступниками обходятся?) или – пока их просто убьют в этой самой камере... Фарри постарался успокоиться. – Как думаешь, что с нами будет?

– Не знаю. Помнишь, что тот парень на вырубке говорил? Перес, или как там его? С которым ты дрался. Он сказал, что

преступников здесь отправляют валить лес...

– Напугали! – фыркнул Фарри. – Мы жили в лесу сколько себя помним. Сбежим оттуда на следующий же день!

– Только мы ведь не простые преступники, – не обращая внимания на слова брата, продолжил Слов. – Начнем с того, что мы вообще не преступники. Кому понадобилось нас оговорить? Уж не тому ли, кто подослал в наш дом убийц? Тогда нас просто прикончат. Может быть, даже в этой самой камере...

– Значит, надо выбираться отсюда, пока этого не произошло! – Фарри снова остановился и замер перед братом. – Может, напасть на охрану? Например, когда еду принесут. Должны же нас кормить...

– Голыми руками на мечи? Точнее – топоры? – хмыкнул Слов. – Вдвоем против всех стражников города?

– По крайней мере, не дадим себя прирезать, как щенят беспомощных, – проворчал Фарри.

– Если дойдет до этого... – Слов пожал плечами. – Лично я думаю, что нам не остается ничего иного, как ждать. А там видно будет. Пока мы здесь, все равно сделать ничего не сможем.

Снова потянулось ожидание. Слов так и сидел на своей койке. Фарри расхаживал взад-вперед, стараясь не налететь в темноте ни на брата, ни на койки. Каждый размышлял о том, как выбраться из этой ловушки. Должен же быть какой-то выход! Дядя всегда говорил, что не бывает та-

ких неприятностей, из которых нельзя было бы выбраться... Время шло... Точнее – ползло. Неуловимое и неосязаемое. Сколько прошло уже времени с того момента, как они оказались здесь? Может, снаружи уже день или даже вечер, а может – еще продолжается та ночь, когда братья были схвачены.

Стук шагов в коридоре раздался неожиданно. Только что казалось, во всем мире не осталось ни одной живой души, кроме Фарри и Слова, и вот – подтверждение тому, что мир, несмотря на ощущения, не превратился в маленькую темную камеру. Шаги приближались, грохоча по каменным плитам. Отдаваясь эхом от стен, усиливаясь и умножаясь так, что непонятно было, сколько людей идет по коридору. Фарри застыл в шаге от двери. Вскочил с нар Слов. Напротив их камеры шаги смолкли, и их единственный источник света – окошко в двери – заслонил темный силуэт.

– Прочь от двери! – Хриплый голос был далек от дружелюбия, но Слов неожиданно поймал себя на мысли, что рад и ему.

Заскрежетал засов. Братья прищурились от заструившегося сквозь дверной проем света лампы. Когда глаза привыкли к свету, Фарри и Слов увидели, что за дверью стоит стражник.

- Выйти из камеры! – буркнул он, отступая в сторону.
- Куда? – напряженно спросил Слов.
- Выйти из камеры! – снова прорычал стражник.

Посмотрев друг на друга, братья повиновались. Фарри чувствовал, что не стоит заставлять стражника повторять приказ. Они шагнули в коридор и замерли у двери.

Стражник оказался не один – за братьями пришли трое. Так и не объяснив, что к чему, Фарри и Слова повели куда-то по коридору. Они проходили вдоль дверей, скрывавших камеры, такие же, как та, которую они только что покинули. Иногда они останавливались у дверей, преграждавших дальнейший путь, и ожидали, пока их не отопрут с обратной стороны. Постепенно обстановка вокруг приобретала более благоприятный вид. За очередной дверью оказалась крутая лестница, поднявшись по которой братья оказались уже не в темном сыром подземном коридоре, а в другом – не столь угнетающем. Вот маленькое окошко – Слов бросил в него взгляд и увидел, что на улице уже совсем светло. Их провели еще через несколько дверей, пока, наконец, они не оказались в квадратной комнате, в которой, кроме них и конвоиров, был еще один стражник. Он сидел за простым, даже немного грубым столом и что-то писал в большой книге. Вдоль противоположной стены протянулась такая же грубая, как и стол, лавка.

– Привели? – Сидевший за столом поднял голову.

– Да, господин десятник, – ответил один из конвоиров.

Десятник кивнул и исчез за противоположной дверью.

Снова появился он спустя минуту.

– Заводите! – махнул рукой десятник, возвращаясь на

свое место и снова беря в руки перо.

Большой кабинет, куда стражники втолкнули братьев, резко контрастировал со всем тем, что они видели с тех пор, как оказались в тюрьме. Стены были обшиты панелями из полированного дерева, а кое-где висели картины или гобелены, на которых были искусно изображены сюжеты из битв или охоты. По сторонам огромного, выше человеческого роста, окна висели тяжелые зеленые портьеры. Что касается мебели, то кабинет был почти пуст. В углу, справа от входа, стоял небольшой столик, по сторонам которого расположились два кресла. Ряд стульев, жестких на вид, растянулся вдоль одной из стен, а у дальней стены обосновался большой, украшенный резьбой письменный стол. Человек, сидевший за столом, оторвался от бумаг, которые изучал перед приходом братьев, и поднял взгляд на Фарри и Слова. Седой венчик волос обрамлял обширную лысину, чуть поблескивавшую в свете, падающем из окна. Лицо человека было круглым, чуть пухлым. Его можно было бы назвать добрым, если бы не глаза – цепкие, пронзающие, словно видящие всех насквозь. Человек был чуть полноватым, но не настолько, чтобы можно было назвать его толстым. Кольчуги, как на стражниках, на нем не было, но поверх одежды был надет такой же, только гораздо лучшего кроя и качества ткани, зеленый табард, на котором изображен герб Дома Вудакс.

– Свободны! – Голос человека был мягок, примерно как толстая ткань, в которую завернут булыжник.

Фарри вытаращил глаза – неужели слова были обращены к нему с братом? Вот так, бросили на ночь в камеру, потом привели к какой-то шишке, и та одним словом снова выпускает их на свободу? Может, все обвинения рассыпались в прах и дело разрешилось?

– Попробуете выкинуть какой-то фокус, и я прослежу, чтобы вам переломали все кости, перед тем как убить, – прошептал сзади голос одного из стражников, а затем послышался скрип двери.

Фарри сник – сиюминутная радость улетучилась, как только он понял, что хозяин кабинета отпустил конвоиров, а никак не его и Слова.

Слов же практически не обратил внимания на сказанное хозяином кабинета, как, впрочем, и стражником. Его взгляд приковали к себе лежащие на столе, перед шишкой, мечи. Их с братом мечи! Приглядевшись, он обнаружил там же и остальные вещи, принадлежащие ему и Фарри. Обгоревший свиток лежал, словно небрежно брошенный, слева от мечей, а рядом с ним была дядина книжечка, на которой поблескивал перстень, грубо сорванный стражниками с пальца Фарри.

– Милорд Зелин Свойл Грах обвиняет вас в краже его имущества. – Взгляд человека за столом буквально ошупывал Фарри и Слова. Казалось, что обладатель такого взгляда непременно почует любую ложь или недомолвку, если братьям по глупости взбредет в голову утаить хоть кроху прав-

ды. – А именно – вот этого перстня. Вы признаете свою вину?

– Нет, господин... – Слов замялся, не зная, кто перед ним.

– Я – капитан городской стражи. Зовите меня господин капитан. – Он откинулся на спинку кресла и, взяв со стола перстень, принялся подбрасывать его на ладони. – Тогда откуда у вас этот перстень?

– Этот перстень, вместе со всем остальным, мы получили в наследство. – Фарри чуть подался вперед. В голосе его прозвучал вызов. – Я не знаю, с чего этот Грах решил...

– Вот как? В наследство? – Капитан приподнял бровь. – Тогда вы, несомненно, знаете, что это за перстень?

Фарри снова открыл рот, но закрыл его, не произнеся ни слова. Он не знал на самом деле, что это за перстень. Просто перстень, который лежал в мешочке с золотом, который они извлекли из тайника. Он посмотрел на брата, но Слов тоже молчал, и сказать ему, судя по всему, было нечего.

– Понятно... Значит, не знаете. – Капитан вздохнул и аккуратно положил перстень на стол. – Вы одеты как горожане. Однако одежда на вас – совсем новая. В ваших вещах обнаружена старая одежда, судя по которой вы прибыли в Этвуд с севера. Насколько я знаю, мечи, о которых, кстати, отдельный разговор, и такая сумма денег, которая была при вас, в тех краях – очень большая редкость.

– Это все – наше! – упрямо заявил Фарри.

– Но Грах не обвинял нас в краже денег и мечей, – одно-

временно с братом спокойно сказал Слов.

– Посудите сами, – не обращая внимания на слова парней, продолжил капитан. – Человек благородного происхождения обвиняет вас в краже вещи, которой у вас никак не должно быть. При вас находят другие вещи, ваши права на которые – очень сомнительны...

Капитан сделал паузу. Он снова принялся рассматривать братьев, словно обмеряя и взвешивая по-новому. Оставшееся недосказанным повисло в воздухе. Он убежден, что братья – виновны. И ведь обвинения капитана звучат вполне логично и обоснованно... Как доказать, что мечи, деньги, перстень и все остальное действительно принадлежат двум парням, прибывшим из глуши, где даже деньги не пользуются особой популярностью?

– Нашим отцом был Сам Бровин Грах-Дормайл, – тихо произнес Слов. – Об этом сказано в свитке, который лежит на вашем столе. Эти вещи достались нам в наследство от отца.

Фарри изумленно уставился на Слова. Надо же! Только недавно, когда они сидели в камере, брат обиделся на него за то, что Фарри много болтает. А теперь – сам выкладывает все. По напряженному выражению лица Слова было видно, что эти слова дались ему с большим трудом. Он смотрел прямо на капитана, ожидая его реакцию.

– Вот как? – Капитан подался вперед и оперся локтями на стол. – И когда же отец передал вам это наследство?

– Мы не знали отца. – Слов вздохнул, но решительно продолжил: – Мы с братом действительно выросли в лесу, на севере. Из всех родственников мы знали только дядю – Алмостера Бровина, который и растил нас...

– Что случилось с Алмостером? – Вопрос прозвучал настолько резко, что Слов вздрогнул. Капитан встал из-за стола и подошел к окну.

– Он был убит, – ответил Фарри.

Капитан резко развернулся и пронзил парня взглядом.

– Когда и как был убит Алмостер?

– Около десяти дней назад, – ответил Слов. Он посмотрел на напрягшееся лицо капитана и неуверенно спросил: – Вы знали его?

Капитан не сводил взгляда с братьев. Какое-то время он просто стоял у окна, рассматривая их, а потом вздохнул.

– Садитесь, – он указал на ряд стульев, – и рассказывайте все как есть.

Рассказ Фарри и Слова не занял много времени. Что рассказывать? То, что они выросли в глуши, считая деревню неподалеку большим поселением? Слов лишь упомянул об этом и сразу перешел к тому моменту, когда на их дом напали. Как они сражались с убийцами, как пал, сраженный стрелами, дядя, как он, умирая, поведал братьям об их наследстве и указал на тайник, где лежали те вещи, которые сейчас находятся на столе капитана, как они бежали из горящего дома... Фарри иногда вставлял свои замечания, поправляя

рассказ брата. Свою историю Слов и Фарри полностью изложили капитану за пять минут. Еще пару минут занял рассказ о том, что братья собирались предпринять, чтобы вернуть себе наследство. О том, что они уже предприняли. Слов заметил, что капитан, который на середине рассказа начал расхаживать по кабинету, чуть запнулся, когда прозвучали слова о том, как они с братом посетили мэтра Совина.

Когда Слов закончил рассказывать, капитан какое-то время продолжал молча ходить взад-вперед.

– Ты! – Он резко остановился и указал на Слова. – Возьми меч.

Слов застыл от неожиданности, во все глаза глядя на капитана. Что он задумал? Взять меч? Зачем? Капитан, не обращая внимания на этот взгляд, снова подошел к столу и достал откуда-то свой меч. Снова повернувшись к братьям, глядящим на него раскрыв рот, он поморщился. Не глядя, взял со стола один из мечей и бросил Слову.

– Говоришь, Алмостер учил вас фехтованию? – Он вытащил свой меч из ножен и небрежно бросил их на стол. – Давай-ка проверим. Вставай, чего сидишь!

Слов неуверенно поднялся. Фарри, не веря происходящему, переводил взгляд с одного на другого. Он тоже начал подниматься, но капитан указал на него острием меча:

– Ты – сиди! – Он снова посмотрел на Слова. – Ну что?

Слов обнажил меч и сунул ножны в руки Фарри. Он не отводил взгляда от капитана. Выйдя в центр кабинета, Слов

встал перед его хозяином.

– Готов? – Капитан смотрел прямо в глаза Слова. – Тогда начали!

Он сразу же ринулся в атаку, нанеся рубящий удар сверху вниз. Слов отступил на полшага, отбивая удар. Капитан крутанул меч кистью – новый удар. Не успело еще стихнуть эхо звона стали о сталь после второго удара, как дверь, ведущая в кабинет, распахнулась. Сжимая топоры, ввалились десятник и охранники, приведшие сюда Фарри и Слова.

– Назад! – прорычал капитан. – И двери закройте!

Похоже, стражники были привычны к необычным выходам своего капитана. Дверь снова захлопнулась, не успел еще тот закончить говорить. Не обращая больше внимания ни на что, кроме своего противника, капитан снова атаковал. Удар сыпался за ударом, но каждый из них встречал меч Слова. Сам Слов не атаковал. Не то чтобы ему не предоставлялось такой возможности... Просто все происходящее выбило его из равновесия настолько, что он не мог поверить в это.

– Защищаться ты умеешь. – Капитан отступил на шаг и опустил меч. – Но одной защитой бой не останется за тобой. Я не настолько стар, чтобы меня можно было измотать. Нападай!

– Слов, приди в себя! – Фарри бросил ножны на соседний стул и подался вперед.

Слов неуверенно поднял меч. Капитан стоял в двух шагах от него и ждал. Вдохнув, Слов ударил. Звон стали. Но-

вый удар и еще... Капитан, уйдя от удара сверху вниз, перешел в контратаку. Слов отбил короткий выпад, нацеленный в его живот, перевел это движение в режущий удар, который, получись он как надо, оставил бы длинный порез на лице противника. Капитан отпрянул – его меч находился слишком низко, чтобы подставить его под этот удар.

– Вот это – другое дело. – Он отступил на несколько шагов. – Хватит!

Слов застыл с мечом в руках, не зная, что делать дальше. Капитан вложил свой меч в ножны и снова спрятал его за столом.

– Меч – в ножны и положи на стол, – приказал он, снова сел в кресло и принялся крутить в пальцах перстень. О братьях он будто забыл. Словно то, что в его кабинете находятся пленники, один из которых вооружен, было самым обычным делом.

Слов взял из рук брата ножны и, вложив в них меч, выполнил указание капитана. Помявшись перед столом и не дождавшись никакой реакции, он вернулся на свое место возле Фарри.

– Этому идиотскому режущему удару вас мог научить только Алмостер, – произнес капитан, едва Слов сел. – Я ему всегда говорил, что пытаться проделать мечом те штуки, которые у Варрайдов вытворяют саблями, – чушь несусветная.

– Так вы знали дядю? – повторил Фарри недавний вопрос брата.

– Знал, – пробурчал капитан. – Теперь вижу, что и вы знали его.

– Но зачем... – начал было Слов, но капитан не дал ему договорить:

– Потому что в моем городе объявляются двое парней, которых Трах обвиняет в краже перстня главы Дома Дормайл. Перстня, который в последний раз я видел у Алмостера, а уж от него Грах мог получить этот перстень только сняв с трупа. Вдобавок ко всему, нашли другие вещи, принадлежащие Алмостеру. Думаете, я так разговариваю со всеми арестованными?

– Нет, господин капитан. – Фарри замотал головой, хотя откуда ему знать, какие порядки царят в этом городе? Может, капитан действительно учиняет допрос всем арестованным. – Но...

– Я должен был проверить вас, – продолжал капитан. – Если бы оказалось, что вы стащили все это, то, поверьте, живыми вы в камеру не вернулись бы.

Слов сглотнул, поняв, что он только что действительно сражался за свою жизнь. Пусть бой был тренировочным и капитан не убил бы его своими руками, но угроза прозвучала вполне серьезно.

– Ваш рассказ настолько неправдоподобен, – продолжал капитан, – что звучит скорее как байка менестреля. Двое парней, выросших в лесу, вдруг узнают, что они на самом деле благородного происхождения, и отправляются за наслед-

ством, оставленным им отцом, которого они никогда не знали... – Капитан вдруг рассмеялся. – И при всем этом они даже не знают, кто из них старше и имеет право на это наследство. Может, действительно продать эту историю какому-нибудь менестрелю? Заработаю себе пару серебряных на старость!

Фарри и Слов не верили своим ушам. Человек, сидевший за столом, как-то неувовимо изменился. Вроде выглядит так же, но из его глаз исчезла жесткость. Впрочем, несмотря на это, они не стали менее внимательными.

– Теперь давайте поговорим серьезно. – Тон капитана снова резко изменился. Ни следа веселья на его лице не осталось. – Вы, ребята, попали в очень непростую историю. Я так понял, вы ничего не знаете о Доме Дормайл?

– Нет, господин капитан, – выдавил из себя Слов, ошарашенный резкой переменой поведения собеседника. Фарри, подтверждая слова брата, покачал головой. – Мы просили мэтра Совина собрать сведения...

– О мэтре Совине – потом, – отмахнулся капитан. Он побарабанил пальцами по столу и, подумав, продолжал: – Около двадцати лет назад Дом Дормайл был на слуху практически по всей Чаше. Такая история была... м-да... Так вот. Милорд Дормайл тогда заключил, как ему казалось, очень удачный брак. Он женился на Сели Трах – старшей дочери старого Роби Граха, с внуком которого вы вчера познакомились. Кстати, он – ваш кузен. Вся шутка заключалась

в том, что у Граха не было сыновей. Только две дочери. Так что майорат передать было некому. После смерти Роби Граха протектором его Дома должен был стать Сам Бровин Дормайл, присоединивший к своей фамилии фамилию Трах, как муж старшей дочери. А затем главой Дома Трах должен был стать один из вас. Однако почти сразу после свадьбы начались странные вещи. В то время обострилось противостояние между Бовкросами и Гирайя. Они никогда не были дружны, но в тот год дело дошло до пограничных стычек. Дормайл тогда разругался с Бовкросом и даже отказался откликнуться на зов Дома Бовкрос. В итоге стычки чуть не переросли в полномасштабную войну, а Гирайя, пусть и ненадолго, удалось захватить плацдарм на берегу Бовкросов. В общем, милорд Бовкрос решил проучить вашего отца. Армия Дормайлов была разбита, можно сказать, за неделю. Не знаю с чего, но Дормайл решил отправить вас подальше, хотя вам ничего угрожать не должно было.

– Почему? – хрипло спросил Фарри.

– Что «почему»?

– Почему нам ничто не должно было угрожать, если враги стояли под стенами замка?

– Потому что милорд Бовкрос не скрывал, что не намеревается уничтожать Дом Дормайл. Как тогда говорили, Бовкрос объявил, что голова Сама Бровина Дормайла займет свое место на городской стене, а главой Дома, по достижении соответствующего возраста, станет законный наследник. Но

ваш отец почему-то решил иначе. Может, Алмостер и знал о причинах, но мне он их не раскрывал. Дормайл назначил его протектором и услали вместе с двумя сыновьями, которые родились всего лишь за несколько дней до штурма его замка. Алмостер говорил, что Дормайл велел ему спрятать вас до тех пор, пока не минует какая-то опасность. Да, именно тогда я и видел Алмостера в последний раз...

Капитан замолчал, погрузившись в воспоминания. Молчали и братья, переваривая услышанное. Какое-то время в кабинете царила тишина.

– Протектором Дома Грах еще два года, до совершеннолетия Зелина, будет Свойл Малк Грах-Добаси, – снова заговорил капитан. – Это муж Реаны Грах – младшей сестры вашей матери. Впрочем, там правит скорее сама Реана. Кого Бовкрос поставил протектором в Доме Дормайл, я не знаю, но и не слышал о том, что Дом уничтожен.

– Так, может, нам стоило обратиться к тете? – спросил Фарри. – К этой Реане?

– После того как этот Зелин обвинил нас в краже? – фыркнул Слов.

– Во-во. Неспроста Зелин так поступил. – Капитан нахмурился и поднял со стола перстень. – Он мог видеть это у вас?

– Мы встречались с ним в гостинице, – ответил Слов. – Тогда чуть не вспыхнула ссора. А перстень был на пальце Фарри...

– Ваше появление означает, что Зелин Грах теряет право

на Дом, — кивнул капитан. — Сомневаюсь, что ваша тетка с радостью примет племянников, которые лишат ее сына всего. Кроме того, кое-кто связанный с Грахами уже намекал этой ночью, что будет очень благодарен, если вы не выйдете из тюрьмы.

— Так, может, это она подослала людей, которые убили дядю? — спросил Слов, а в глазах Фарри зажегся огонек.

— Может быть. Но сейчас ситуация стала еще сложнее. — Он снова задумался и молчал несколько минут. — В Доме Бовкрос происходит что-то странное. Никто раньше не обращал на это особого внимания, но за последние пятнадцать лет при сомнительных обстоятельствах погибли девять человек, которые имели право наследования по родственной линии Великого Дома Бовкрос. Кто-то утонул, купаясь в реке, кто-то погиб в мелкой стычке с Гирайя, кто-то съел что-то несвежее... — Капитан снова поднялся и нервно зашагал по кабинету. — Никто не обращал на это внимания, пока не погиб сын милорда Бовкрос. Старик остался без наследников, и он уже не в том возрасте, когда можно зачать еще одного. В данной ситуации права на наследство переходят по родственной линии.

— А мы-то здесь при чем? — спросил Фарри.

— При том, что Дом Дормайл, если, конечно, найдутся законные наследники, станет первым претендентом на наследование Дома Бовкрос, когда умрет старый милорд. — Капитан резко повернулся к братьям и застыл на месте. — А те-

перь сами подумайте, сколько людей будут рады вашему появлению. Подумайте, у скольких Домов – тех, которые стоят за вами в своем праве на вступление в наследство Великого Дома, – есть основания желать вашей смерти.

Фарри и Слов так и замерли, раскрыв рот от неожиданности. Они... Один из них может стать не просто лордом, а главой Великого Дома? Такого они себе даже представить не могли! Почему же дядя ничего им не рассказывал? Хотя Слов решил, что дядя, живя фактически отшельником в глуши, мог и не знать, какая ситуация сложилась в Доме Бовкрос. Но ведь он не рассказывал и о том, что один из братьев имеет право на титул лорда обычного Дома... Единственным разумным объяснением, которое смог придумать Слов, было то, что дядя пытался защитить их с Фарри от той паутины, в которую они сейчас как раз и попали. Но все равно – стать благородным лордом!

– Теперь вы отпустите нас? – Фарри, в отличие от впавшего в глубокие раздумья брата, говорил почти весело. Возможно, подумал Слов, он еще не полностью осознал, во что они вляпались, – так похоже на брата! А может быть, Фарри, также по своему обыкновению, смотрел не дальше, чем мог увидеть под своим носом...

– Отпустить вас? – От тона капитана улыбка на губах Фарри померкла. Капитан покачал головой. – Рад бы, да не получится.

– Почему? – Слов удивленно посмотрел на него. Юноша

нахмурился. Ведь вся их беседа шла так, что братья имели все основания надеяться на то, что все, по крайней мере сейчас, закончится благополучно. Капитан же признал, что их аресту были причиной только интриги Грахов!

Фарри хмуро смотрел на капитана. Похоже, юноша, как и его брат, уже чувствовал себя на свободе.

– Не все так просто. – Капитан хорошо представлял себе, что творится в голове юношей, сидящих перед ним. Поэтому он старался говорить как можно мягче, тщательно подбирая при этом слова. – Вас, появившихся ниоткуда, обвиняет в краже человек благородного происхождения. Если я отпущу вас, то как объяснюсь перед своим господином, лордом Вудаксом? Ведь Грах, узнав, что вы снова на свободе, тут же обо всем доложит ему.

– Скажите правду! – потребовал Фарри. – Вы же...

– До тех пор, пока ваше право не признает Совет Домов, вы, парни, всего лишь простолюдины, оскорбившие благородного человека! – отрезал капитан.

– Но как Совет сможет признать нас, если мы сидим в тюрьме? – спросил Слов.

Капитан пожал плечами.

– Я подумаю, как вам помочь, – пообещал он. – Эй, там! – Подойдя к двери, капитан грохнул по ней кулаком так, что Слов удивился, не услышав треска дерева.

– Да, господин капитан? – Их недавний конвоир появился, словно все это время только и ждал зова своего господина.

Возможно, так оно и было.

– Увести! – Капитан кивнул на Фарри и Слова, продолжавших сидеть, оторопело глядя на него.

Когда дверь за братьями закрылась, он вновь вернулся на свое место. Да, в непростой переплет попали ребята... Да и он вместе с ними. Что же делать? Капитан всем естественным чувствовал, что должен помочь этим двоим. Не только потому, что юноши были ни в чем не виноваты. В свое время он немало задолжал Алмостеру Бровину. И счет этот измеряется отнюдь не в деньгах... Опершись локтями о стол, капитан обхватил руками голову. Как же им помочь? Просто выпустить из тюрьмы? Грахи тут же поднимут шум. И чего это будет стоить ему самому – предугадать сложно. Но ведь если не выпустить, то на суде у племянников Алмостера не будет никаких шансов! Капитан напряженно размышлял. До боли в голове. Для начала необходимо сделать так, чтобы эти двое вообще дожили до суда. Эта проблема разрешима – достаточно объявить своим подчиненным, что он будет очень недоволен, если с братьями что-то случится. На суде... Что ж, он может попытаться организовать все так, чтобы судья вынес самый мягкий приговор. Да, надо переговорить с судьей. Дальше все будет зависеть от того, что скажет суд. Приняв решение, капитан кивнул сам себе. Если все сделать правильно, то эти Фарри и Слов не слишком пострадают, да и сам он будет ни при чем.

– ...А еще говорил – дядин друг! – Фарри снова расхаживал по камере, бормоча себе под нос. Он резко остановился и посмотрел на брата, который лежал на своих нарах, заложив руки за голову. – Если он друг, то почему просто нас не отпустил? И вообще, как ты можешь так спокойно лежать?

– А что – метаться туда-сюда, как ты? – Слов проигнорировал первую часть вопроса. – Так здесь места на двоих не хватит.

– «Помогу вам найти юриста»! – Фарри дошел до двери и изо всех сил грохнул в нее ногой. – «Постараюсь что-нибудь придумать»! Трус проклятый! Поверь мне, Слов, этот капитан, хоть и называет себя другом дяди, даже зад со своего кресла не поднимет, чтобы нам помочь!

К огорчению братьев, несмотря на то что капитан поверил их истории, они снова оказались в камере. Во время разговора с капитаном Фарри и Слов было воспрянули духом, надеясь, что выйдут из его кабинета на свободу. Однако не тут-то было! Вся помощь капитана ограничилась тем, что он обещал поспособствовать Фарри и Слову на суде. О том, чтобы выпустить их, не шло и речи.

– Я здесь для того, чтобы в этом городе соблюдались законы, – заявил капитан, глядя прямо в глаза братьев, в которых вначале появилось непонимание, а потом, по мере слов капитана, стало разгораться отчаяние. – Нарушь порядок в чем-то одном, потом – в другом, а потом все здесь рассыплется в прах.

Единственным послаблением для братьев стало то, что теперь в их камере не царила такая тьма, как раньше. Запустив арестованных в застенки, стражник поставил на пол у двери фонарь. Кроме того, закрывая за собой дверь, он пообещал принести Фарри и Слову на завтрак что-нибудь более или менее съедобное. Однако Фарри в сердцах посоветовал стражнику найти той еде другое, не совсем приличное применение.

Снова потянулось ожидание. Секунды складывались в минуты, которые переходили в часы... Сколько их прошло? Если судить по тому, что масло в фонаре не прогорело еще и наполовину, – не очень много. Устав от метания по камере, Фарри последовал примеру брата и улегся на койку. Слов уже тихонько посапывал – ночь и утро выдались не из самых легких, а силы, даже у молодого человека, не бесконечны. Слушая спокойное дыхание брата – единственный звук, раздававшийся в камере, – заснул и Фарри. Но в отличие от Слова, он спал не так спокойно. Соломенный тюфяк, брошенный на койку, не отличался особой мягкостью. Скорее он здесь лежал только для порядка. Хорошо, хоть никакой живности в нем Фарри не заметил.

Разбудил братьев скрежет дверного засова.

– Обед!

Фарри открыл глаза, отгоняя остатки сна. Несмотря на те советы, которые он недавно давал стражнику по поводу еды, организм парня был совсем другого мнения. Есть, честно го-

вора, хотелось до рези в желудке.

– Вечером суд. – Стражник поставил на пол у двери две миски и захлопнул дверь.

– Интересно, они всех заключенных так кормят? – Слов, едва задвинулся с обратной стороны двери засов, оказался возле мисок.

– Думает, что нам нужны его подачки! – пробормотал Фарри, однако живо подхватил свою миску.

После доброй порции рагу, где мяса было явно больше, чем овощей, и большой краюхи еще теплого хлеба настроение братьев чуть улучшилось. Фарри даже перестал ворчать и осыпать проклятиями капитана, стражников, Граха и весь этот город. Однако, едва закончив есть, он снова принялся мерить шагами камеру, давая выход накопившейся энергии.

До вечера не происходило ровным счетом ничего. Фарри и Слов почти не разговаривали – лишь перекинулись парой фраз. Слов продолжал лежать на нарах и, уставившись на мерцающий огонек лампы, думал о предстоящем суде, прикидывая, что будет говорить. Фарри, наоборот, гнал от себя мысли о суде, предпочитая размышлять о возможности побега. На этот раз время пролетело как-то незаметно. Слов даже удивился, когда в коридоре снова загрохотали шаги.

– Отойти от двери!

Стражников было четверо. Видимо, они уже успели смениться – ни одного из них Фарри и Слов не узнали. Их снова повели по коридорам, как и в прошлый раз, останавлива-

ясь перед множеством закрытых дверей. Коридоры, лестницы... На этот раз их вели по другому пути. Шли долго. Фарри уже запутался в поворотах коридоров, когда они остановились возле очередной двери. Один из стражников постучал, и по ту сторону двери раздался приглушенный голос: «Арестованные доставлены».

Дверь открылась, и братья, которых грубо толкнули в спину, сделали шаг вперед. Дверь за ними захлопнулась. Фарри и Слов оказались в небольшой клетке, отгораживающей угол большой комнаты. В клетке не было ни стульев, ни лавки – ничего, кроме пола, потолка, стены и стальных прутьев. Остальная часть комнаты была меблирована весьма незатейливо. Прямо перед клеткой стоял большой стол, за которым сидел мужчина, одетый в зеленую мантию. За его спиной, от самого потолка до пола, свешивалось зеленое же полотнище, на котором был нарисован черный топор – стяг Дома Вудакс. На небольшом расстоянии перед столом расположились несколько стульев и кресло. Судья за столом лишь глянул на братьев, когда те появились в клетке. В комнате помимо судьи был еще один человек – невысокий, тощий, похожий на какую-то птицу. Его длинный нос лишь подчеркивал это сходство. Одежда его была простой, но очень хорошего кроя, а толстая золотая цепь на шее подчеркивала, что он совсем не бедствует. Поднявшись со стула, на котором сидел, он быстро засеменил к клетке.

– Зовите меня мэтр Брас. Господин капитан ввел меня в

курс дела, — зачастил человек, подойдя к клетке. Он то и дело бросал взгляды то на братьев, то на судью, то на дверь в другом конце комнаты. — Вы, стало быть, Фарри и Слов. Я буду вас защищать на суде...

— Что нас ждет? — перебил Слов, подходя ближе к прутьям.

— Слушайте меня и делайте только то, что я говорю. — Мэтр Брас понизил голос до шепота. — Господин капитан сказал, что вы имеете некие претензии на благородную фамилию...

— Мы не «имеем претензии»! — скривился Фарри. — Мы — благородного происхождения...

— Да-да, несомненно! — быстро закивал мэтр Брас. — Однако я настаиваю на том, чтобы вы не упоминали об этом на суде.

— Почему? — Слов положил руку на плечо брата, раскрывшего рот для ответа.

— Насколько я осведомлен, у вас нет доказательств вашего происхождения? — Мэтр Брас внимательно посмотрел на Фарри. — Я имею в виду — твердых доказательств.

— Нет, — покачал головой Слов. — Но...

— Тогда послушайте моего совета. Если вы принадлежите к благородной фамилии, вас может судить только сам милорд Ест Приор Вудакс — глава Дома Вудакс. Но...

— Так пусть нас и судит глава Дома! — Фарри сбросил с плеча руку брата.

— Фарри, ты головой думай! — Слов явно начинал злить-

ся. — Если мы не можем пока доказать...

— Вот-вот. Слушайте брата, молодой человек! — снова закивал мэтр Брас. — Ваше благородное происхождение сначала надо будет доказать здесь. А если вы этого не сможете, то ваше обвинение будет уже совсем другим. Вы и так обвиняетесь в краже у лица благородного сословия. Вам грозит клеймо и пять лет каторги на лесных делянках Дома Вудакс. А за присвоение благородной фамилии без права на то вам отрежут языки и добавят еще пять лет наказания.

— Отрежут языки? — изумился Слов.

— Присвоение благородной фамилии без права на нее — это оскорбление всех благородных фамилий Чаши, — пожал плечами мэтр Брас.

— Фарри, если ты скажешь на суде хоть слово... — Слов посмотрел прямо в глаза брату.

Фарри, похоже, тоже стало не по себе. По крайней мере, его запал угас, а в глазах появилось загнанное выражение. Словно у зверя, попавшего в ловушку и ожидающего, когда придет охотник. Сглотнув, он кивнул.

— Очень правильное решение! Очень! Итак, слушайте меня. В любом случае не говорите ничего, если к вам не обратится господин судья. Я постараюсь сделать все, чтобы вас если и не оправдали, то вынесли не самый суровый приговор. — Голос мэтра Браса стал практически неслышным. — Более того, я слышал, что к господину судье сегодня нанес визит господин капитан...

Ему не удалось договорить, чем закончился визит капитана к судье. В этот момент двери распахнулись, и в комнате появился Зелин Свойл Грах, собственной персоной.

— Господин судья. — Грах поклонился, даже не обратив внимания на братьев в клетке, и прошел к креслу.

— Я сделаю все, что возможно! — прошептал напоследок мэтр Брас.

— Думаю, можно начинать. — Судья кивнул Граху и дождался, пока мэтр Брас усядется на своем стуле. — Итак, вчера ночью были арестованы двое, назвавшиеся Слов и Фарри, по обвинению милорда Зелина Свойла Граха в краже. Милорд Грах обвиняет этих двоих в том, что они украли у него фамильный перстень Дома Дормайл. У вас есть что добавить, милорд?

Грах покачал головой. Он развалился в кресле, закинув ногу за ногу, и выглядел так, словно не понимал, как здесь вообще оказался. Создавалось впечатление, что он занят скучнейшим делом и лишь необходимость сдерживает его от того, чтобы встать и удалиться прямо сейчас.

— Мэтр Брас? — Судья посмотрел на юриста.

— Да, господин судья. — Мэтр снова поднялся. — Я хотел бы, если позволите, узнать, по какому праву представитель Дома Грах владеет фамильным перстнем Дома Дормайл. Также я хотел бы услышать об обстоятельствах преступления, в котором обвиняют этих молодых людей.

— Милорд Грах, желаете ли вы ответить на эти вопросы? —

осведомился судья.

– Ты смотри, как он лебезит перед этим Трахом! – прошептал Фарри на ухо Слову, ненавидяще глядя на их обвинителя.

– Я отвечу. – Голос Граха звучал так, словно он вот-вот начнет зевать. – Как известно, моя тетка, ныне покойная Сели Грах, была замужем за Самом Бровином Дормайлом, главой Дома Дормайл. Думаю, не стоит лишний раз рассказывать о печальной судьбе милорда Дормайла. Перстень попал к нам после его смерти, как к единственным выжившим родственникам.

Фарри покраснел. Было видно, что он так и рвется что-то сказать, но изо всех сил сдерживает себя. Он посмотрел на брата, но Слов стоял спокойно, словно из уст Граха не звучит наглая ложь! Словно вообще ничего не происходит.

– Вы удовлетворены, мэтр Брас? – спросил судья.

– Господин судья, я хочу обратить ваше внимание, – мэтр Брас замялся, но, глянув на братьев, продолжил, – что не прозвучало никаких доказательств того, что перстень действительно принадлежит милорду Граху, кроме...

– ...Кроме моего слова! – Грах сверкнул глазами на юриста. – Если вам мало слова человека благородного происхождения, то я хотел бы услышать, как иначе этот перстень мог оказаться у этих двоих, если они не украли его у меня. Также если вы, мэтр Брас, сомневаетесь в моем слове, то скажите, кто еще мог бы законно претендовать на этот перстень.

– Вы слышали вопрос? – Судья наконец обратил внимание на сидящих в клетке.

– Господин судья... – Слов замолчал, обдумывая, как бы лучше ответить, но тут не выдержал Фарри.

– Перстень достался нам от Алмостера Бровина Дормайла, брата Сама Бровина Дормайла, главы Дома Дормайл! – выпалил он. – Мы...

– Господин судья, как известно, милорд Алмостер Бровин Дормайл исчез как раз перед тем, как пал замок Дормайл, – быстро затараторил мэтр Брас. – Также если бы перстень главы Дома Дормайл был у милорда Дормайла, то сейчас он принадлежал бы протектору Дома. Я могу предположить, что милорд Сам Бровин Дормайл передал перстень своему брату, приказав тому сохранить его...

– Заткнись, Фарри! – прошипел Слов. – Замолчи!

– Вы «могли бы предположить», – передразнил юриста Грах, – а я – заявляю, что перстень был передан моей матерью. Или, может, вы, мэтр Брас, осмелитесь требовать, чтобы она предстала перед господином судьей и подтвердила мое слово?

– Милорд Грах, нет необходимости беспокоить почтенную леди Грах, – быстро сказал судья. Он снова повернулся к братьям: – Как вы можете доказать свои слова?

– Если господин судья позволит, – вновь вмешался мэтр Брас, – то среди вещей, найденных у этих господ, были обнаружены и другие вещи, несомненно принадлежавшие ми-

лорду Алмостеру Бровину Дормайлу. Поскольку милорд Зелин Свойл Грах не заявлял свои права на те вещи, то можно предположить, что и перстень, принадлежавший Дому Дормайл, находился у господ Слова и Фарри по праву.

– Вот как? – Грах поднял бровь. – Эти двое еще у кого-то что-то украли? И снова – вещи, имеющие отношение к Дому Дормайл?

– Никаких обвинений, кроме вашего, – быстро сказал мэтр Брас, – этим молодым людям не предъявлено.

– Откуда у вас все эти вещи? – Судья обращался к Фарри и Слову, но не отрываясь смотрел на мэтра Браса.

Слов вздохнул и, посмотрев на Фарри, покачал головой.

– Как сказал мой брат, – медленно произнес он, – перстень и все остальное досталось нам от Алмостера Бровина Дормайла.

– Как эти вещи достались вам?

– Он... Алмостер Бровин Дормайл воспитывал нас. Недавно он был убит и, умирая, рассказал нам о тайнике...

Говоря, Слов краем глаза следил за мэтром Брасом. Юрист еле заметно кивал. Судя по выражению его лица, Слов все говорил правильно.

– Теперь мы узнаем, что Алмостер Бровин Дормайл, полтора десятка лет считавшийся пропавшим, недавно погиб, – рассмеялся Грах. – Причем при весьма сомнительных обстоятельствах. И вещи его оказались у этих двоих воришек. Господин судья, вам следовало бы подумать о том, чтобы тща-

тельное расследовать это дело.

– Вы уверены, что желаете этого? – Тон судьи чуть изменился. Теперь в нем промелькнуло что-то кроме елейного уважения. Возможно, даже неодобрение.

– Я желаю, чтобы мне вернули мою собственность, – выпрямился в своем кресле Грах. – И чтобы воры были наказаны со всей возможной строгостью.

– Мэтр Брас? – Судья вопросительно посмотрел на юриста.

– Я так и не услышал рассказа об обстоятельствах, при которых, как утверждает милорд Грах, у него был украден перстень.

– Вчера вечером, в гостинице «Веселый охотник», эти двое затеяли ссору с моими друзьями, – лениво, словно отмахиваясь, произнес Грах. – Заметьте, с благородными милордами! Я успокоил хамов. Уже после этого я обнаружил пропажу перстня и позвал стражу. Поскольку никто из моих друзей не мог поступить так низко, я сразу заподозрил в краже этих бродяг. Как видите, не ошибся.

– Лжец! Да что ты!.. – Фарри рванулся к прутьям клетки, но Слов дернул его за шиворот.

– Видите, господин судья, с кем благородному человеку приходится сталкиваться на улицах этого города? – Грах печально покачал головой, поднимаясь с кресла. – Я не намерен больше терпеть оскорблений. Я требую самого строгого приговора для этих хамов и обещаю, господин судья, что по-

ставлю в известность об этом деле милорда Вудакса.

Не сказав больше ни слова, Грах вышел из комнаты. Едва лишь хлопнула дверь, закрываясь за ним, судья посмотрел на Фарри и Слова.

– Для вас было сделано исключение, – холодно произнес он. – Обычно дела людей вашего сорта не рассматриваются на отдельном заседании. Я потратил на вас столько времени лишь потому, что господин капитан Горел Сам лично просил об этом. Я даже взял на себя смелость, чтобы как можно тщательнее расследовать это дело, пригласить милорда Зелина Свойла Граха. Однако, господа, раз вы не цените этого...

Горел Сам? Услышав имя капитана, братья переглянулись – в глазах другого каждый увидел ту же мысль, что звучала в его собственной голове. Ведь именно это имя они прочли в дядиных записях! И тут же эта мысль сменилась другой – стоило им начать поиски указанных дядей людей не с мэтра Совина, а с Горела Сама, все сложилось бы по-другому...

– Господин судья, я прошу простить этих молодых людей, – быстро вмешался мэтр Брас. – Они слишком многое пережили за последнее время, и эти волнения...

– Не дают права нарушать порядок в зале суда, – отмахнулся судья. Он не отводил взгляда от Фарри и Слова. В основном от Фарри. – У вас есть что еще сказать?

– Это – не суд! – выкрикнул Фарри. – Я требую справедливого и полного расследования...

Слов только покачал головой и отступил от брата на шаг.

Он будто стал ниже ростом. Вне всяких сомнений, Фарри все испортил. Уже в который раз! Если он не может держать язык за зубами... если не может сдерживать свой характер... Слову все это было так же неприятно, как и брату. Он понимал Фарри. Однако понимал также и то, что иногда приходится чем-то жертвовать, чтобы не завязнуть еще глубже. Ну почему Фарри не мог чуть потерпеть?!!

– Я приговариваю вас к пяти годам работ на лесных вырубках Дома Вудакс... – спокойно сказал судья.

– Господин судья... – Мэтр Брас вскочил на ноги. – Я прошу...

– ...без клеймения, – закончил судья и дернул шнур, ви-сящий рядом с его креслом. – Мэтр Брас, письменное решение вы получите завтра.

Скрипнув, позади братьев снова отворилась дверь.

– На выход! – прозвучало из-за спины Фарри и Слова.

Братья, понутив головы, вышли из клетки в коридор.

Снова бесконечные переходы, повороты, лестницы... Оказавшись в камере, Слов сразу же лег на свою койку и отвернулся к стене.

– Что?! – рявкнул Фарри, встав над братом, едва дверь за ними закрылась. – Этот напыщенный тип нагло оболгал нас, а я должен молчать?

Фарри пнул койку, на которой лежал Слов.

– Ты видел, как судья бегал перед этим Трахом на задних лапках? «Да, милорд! Конечно, милорд! Позвольте поцело-

вать вашу задницу, милорд!»

– Думаешь, мне не противно? – вскинулся Слов, резко садясь на койке.

– Так почему ты молчал? – тихо спросил Фарри. – Испугался?

– Фарри... – Слов молчал долго, почти минуту. – Помнишь, как дядя учил нас фехтовать? Помнишь, как он говорил нам, что нельзя сломя голову бросаться на врага? Что в бою нельзя позволить, чтобы злость взяла над тобой верх?

– Помню. – Фарри сел рядом с братом. – Но...

– Знаешь что? – Слов улыбнулся. – Я тебе даже завидую. Пока шел тот суд, у меня аж зудело все от желания плюнуть в морду этому Граху. Ты хоть и не плюнул, но вел себя достойно.

– О чем я жалею, – пробурчал Фарри, – так это о том, что тогда, в «Веселом охотнике», не проткнул Граха мечом.

– Мы остались вдвоем, брат, – помолчав, сказал Слов. – Вокруг – только враги. Весь этот мир... Я имею в виду, эти люди... В общем, здесь все совсем не так, как у нас дома. Может быть, дядя не зря спрятался в лесу и жил вдали от людей...

– Слов, ты как считаешь – если бы я вел себя как-то по-другому, суд закончился бы в нашу пользу?

– Не знаю. Мэтр Брас, по-моему, старался. Но судья... – Слов покачал головой. – Думаю, судья не пошел бы против Граха.

– Благородный! – Фарри прямо выплюнул это слово. – Сбежим с вырубки, я покажу этому «благородному»...

– погоди! – Слов напрягся, обрывая брата. – Ты помнишь, как судья назвал капитана?

– Что? – не понял Фарри. – Он...

– Капитан Горел Сам!

– Ты думаешь – это тот самый Горел Сам?

– Он вполне мог дослужиться до капитана за эти годы, – тихо сказал Слов. – И он знал дядю.

За ними пришли на следующий вечер. Весь день братья провели как на иголках. Им не терпелось покинуть эту камеру. Хоть на лесную делянку – лишь бы выбраться из этого каменного мешка! Фарри начинал чувствовать, что стены давят на него всем весом камня, из которого сложены. Пусть они уже не сидели в темноте, но... Слову тоже было не по себе. Хотелось вдохнуть свежего воздуха, не пропитанного сыростью подземелья и запахами, исходящими из дыры в полу. Так что, когда появились стражники и велели выйти из камеры, парни выполнили этот приказ чуть ли не с радостью.

На этот раз Фарри и Слов вели не очень долго. Они прошли всего лишь через три двери, поднялись по лестнице и остановились перед новой дверью, которую один из конвоиров, в отличие от остальных, промежуточных, дверей, открыл сам. Комната, в которой оказались Фарри и Слов, была побольше, чем их прежняя камера. Главное – они покинули подземелье. Здесь даже было небольшое окно. Однако тол-

стая решетка, которой оно было перекрыто, ясно указывала на то, что это – тюрьма. Слов с грустью посмотрел в окно. Там всего лишь протянуть руку – свобода! Фарри бросил на окно лишь мимолетный взгляд. Гораздо больше внимания он уделил человеку, скучающему на лавке.

– Еще двое? – Здоровяк, похожий больше на косматого медведя, чем на человека, сплюнул на пол. – Откуда только эти гады лезут?

– Скажи спасибо, что не тебе приходится валить за них лес, – хмыкнул один из стражников за спиной братьев.

– И то верно! – хохотнул здоровяк. – Лес кто-то должен сдерживать. Давайте-ка сюда, ребятаки.

Толчок в спину недвусмысленно указал Фарри, что последние слова обращены к ним с братом. Они подошли к здоровяку. Тот достал из большого ящика, стоявшего рядом, два странных приспособления, каких Фарри и Слов раньше никогда не видели. Каждое из них состояло из двух толстых досок, скрепленных с одной стороны железными петлями, а с другой – замком с хитрой задвижкой. Между досками были проделаны два отверстия.

– Давайте-ка сюда руки. Колодки уже заждались. – Здоровяк разомкнул колодки и защелкнул их на руках сначала Фарри, а потом – Слова.

Фарри потрянул руками, словно пытаясь сбросить с них непривычную тяжесть. Однако колодки сидели крепко. Он посмотрел на Слова. Брат, так же как и он сам, рассматривал

свои колодки.

– Вот и ладно, – улыбнулся здоровяк. – Руками особо не машите, а то понатираете в кровь.

Он подтолкнул Слова к другой двери, ведущей из комнаты. Сам же пошел за ними. Дверь открылась, едва здоровяк стукнул в нее кулаком.

– Двое? – В проем просунулась голова другого стражника. – Давай их сюда.

Переступив через порог, Фарри и Слов оказались в небольшом дворике, огороженном стенами. Отсюда вели только два пути – двери, через которые они только что прошли, и ворота в противоположной стене. Кроме стражников, здесь оказались еще пятеро, судя по колодкам на руках – товарищи по несчастью. Стражники стояли в основном у ворот и дверей, из которых только что вышли братья. Они скукающе переговаривались и следили за своими подопечными вполглаза. Видно было, стражники не особо опасаются, что преступники могут попытаться сбежать. Пятеро же в колодках унылой группкой стояли прямо в центре дворика. Вид у них был унылый и безрадостный. Судя по выражениям лиц, никто из закованных в колодки не ожидал от своей дальнейшей судьбы ничего хорошего. Только один, на лбу которого было выжжено клеймо в виде топора Дома Вудакс, был более или менее спокоен. Щуплый мужчина неопределенного возраста сразу же уставился на братьев хмурым взглядом, словно оценивая их.

– Все, что ли? – осведомился один из стражников, стоявший у ворот. – Пошли тогда, чтоб до темноты успеть.

Фарри и Слова втолкнули в группу арестантов. Тут же их окружили стражники, разом сбросив с лиц скучающее выражение. Тот, который предложил вести куда-то заключенных, стукнул пару раз в ворота. Жалобно заскрипев петлями, давно не видевшими смазки, ворота распахнулись. Небольшой, шагов пять длиной, тамбур, в котором были еще двое стражников, уперся в очередные ворота. Пройдя через них, конвой оказался на городской улице.

Несмотря на поздний час, в городе царило оживление. Похоже, с улиц никогда не исчезали прохожие. Разве что с приходом темноты их становилось чуть меньше. Едва заключенные вышли из ворот, вокруг них начала собираться толпа.

– Так вам и надо, бандиты проклятые! – выкрикнула какая-то женщина.

Со всех сторон раздались свист, улюлюканье и оскорбления. Заключенные, даже тот – с клеймом, вжали головы в плечи и старались смотреть только себе под ноги. Стражники, похоже привычные к такому, вовсе не обращали на происходящее внимания. Только если какой-нибудь особо ретивый горожанин выскакивал перед ними, препятствуя продвижению группы заключенных, кто-нибудь из стражников без особой злости отталкивал его древком копья в сторону.

– Топор в руки – топор на лоб! – крикнул кто-то из толпы, и его слова были поддержаны одобрительным гулом.

К счастью, идти пришлось не очень далеко. Так и сопровождаемые толпой – Фарри порадовался, что в них хоть ничего не бросали, – они дошли до одних из городских ворот. За пределами городских стен идти стало гораздо легче. Здесь, конечно, тоже хватало зевак, отпускающих вслед заключенным шуточки и сыплющих проклятиями, но их было куда меньше.

Путь по набережной занял гораздо больше времени, чем по городу. Причал, к которому вели заключенных, оказался далеко от ворот. И правильно – заключенные могут и ногами поработать. Зачем утруждать честных горожан? Но в конце концов их путь закончился. Еще издавлек Фарри заметил большую баржу, чуть покачивающуюся возле одного из причалов. Он не ошибся, предположив, что их ведут именно к этой барже. Ведь окружающие ее лодки совсем не походили на те, что подходят для перевозки заключенных.

– Живее! – После того как стражники сдали подконвойных другим, стоящим на причале, те принялись загонять заключенных на баржу.

Никакого трапа или сходней не было. Фарри и Слову пришлось перепрыгнуть через узкую полосу воды, отделявшую баржу от причала. Их товарищи по несчастью, напутствуемые пинками и тычками стражников, по одному исчезали в темной дыре, ведущей в трюм.

– Эй! Вам не сюда! – Один из стражников – молодой, но с больше подхотившей куда более почтенному возрасту боро-

дой – схватил Фарри за плечо. – Ступайте туда!

В отличие от остальных заключенных, братьев заперли не в трюме, а в небольшой надстройке на палубе баржи. В клетушке, гораздо более тесной, чем даже камера, в которой провели последние дни Фарри и Слов. Вдобавок ко всему они оказались в полной темноте.

– Слов, что-то мне это не нравится, – прошептал Фарри, как только дверь за ними закрылась. – Почему они посадили нас отдельно от остальных?

– Откуда я знаю? – так же шепотом ответил Слов. Он сделал два шага вперед и уткнулся в стену. – Мне тоже это не нравится.

– Может, они нас... – Фарри прислонился к стене и попробовал освободить руки. Деревянные колодки держали крепко.

– Может быть. Хотя капитан... – Слов помолчал, а потом повторил: – Может быть...

– Слушай, Слов, – после недолгого молчания сказал Фарри, – колодки же без замков. Там только задвижки. Может, попробуем освободиться?

В полной темноте они нащупали друг друга, и Фарри принялся изучать задвижку на колодках брата. Фарри смутно помнил, как здоровяк, сковавший им руки, что-то там отодвигал, поворачивал... Но когда сковывали руки, Фарри было не до того, чтобы внимательно следить за действиями здоровяка. Задвижка поддалась, когда Фарри уже совсем поте-

рял надежду. Он даже не заметил как – просто открылась, и нижняя половина колодок упала, повиснув на петле. Теперь пришла очередь Слова освободить руки брата.

– По крайней мере теперь хоть как-то можно будет отбить-ся, – прошептал Фарри, потирая натертые колодками руки.

– Не отобьемся, – прошептал Слов. – Сделаем так. Если кто-то сюда войдет, то сбиваем его с ног и прыгаем за борт.

– А если их будет много? – спросил Фарри.

– У нас только один шанс спастись – прыгнуть в воду.

Потянулось томительное ожидание. Сколько прошло времени, Фарри и Слов не знали. Они прислушивались к каждому звуку, доносящемуся снаружи, но ничего, кроме скрипа досок, не слышали. Несколько раз раздавались шаги. Фарри и Слов напрягались, ожидая, что эти шаги затихнут возле их двери, но каждый раз их надежды обманывались. Через час или два, а может, спустя ночь после того, как их закрыли здесь, Фарри и Слов настолько вымотались, словно весь день шли по лесу. Нервное ожидание истощало их силы не хуже хорошей физической нагрузки. Снова раздались шаги. На этот раз они не стихли где-то на палубе.

– Эй, вы там! – прошептал кто-то из-за двери. – Без глупостей!

Братья промолчали. Фарри очень захотелось переглянуться со Словом, но в этой темноте он не видел даже собственную руку. Только напряженное дыхание брата, которое он, судя по всему, всеми силами пытался сдерживать, говорило

о том, что Фарри здесь не один.

– Вы уже освободились? – снова раздалось из-за двери. – Знаю, что освободились. Я сейчас открою дверь. Не вздумайте душить! Господин капитан Горел Сам просил меня помочь вам.

– Ты веришь ему? – еле слышно прошептал Фарри. В нем внезапно вспыхнула надежда, что все закончится благополучно.

– Не знаю, – одними губами ответил Слов, а потом, поняв, что и сам не расслышал свои слова, повторил чуть громче: – Не знаю. В любом случае будь настороже.

Дверь медленно отворилась. В каморке, где были заперты братья, не стало от этого светлее. Снаружи стояла глухая ночь, не видно было ни огонька. Свет звезд и тот скрывали плотные облака. Фарри замер сбоку от двери, приготовившись со всей силы опустить на голову вошедшего, кто бы он ни был, свои колодки. Хоть такое, но все же оружие. Однако в проем никто не шагнул.

– Выходите, – снова зашептал голос из темноты. – Вас ждет лодка.

Чуть поколебавшись, Слов медленно шагнул в дверь. Фарри дернулся было к брату, чтобы попытаться удержать его, но было уже поздно. Он замер на мгновение, прислушиваясь. Снаружи было тихо – никаких звуков борьбы, никаких криков...

– Ты тоже выходи!

– Фарри, выходи! – поддержал незнакомый голос Слов. – Он здесь один.

Все еще крепко сжимая колодки, готовый в любой момент пустить их в ход, Фарри осторожно шагнул вперед. Чуть сбоку от двери он сразу увидел две темные фигуры, вырисовывающиеся на фоне неба.

– Фарри! – позвала одна из фигур.

– Значит, так, ребятки, – прошептала другая. – Здесь, по левому борту, привязана лодка. Вещи, которые мне передал господин капитан, в ней. Да погодите!

Фарри, сделавший было шаг к левому борту, замер.

– Спуститесь в лодку по канату. Как отчалите, я через пару минут подниму тревогу. Скажу, что вы выпрыгнули за борт. А вы – гребите изо всех сил. Плывите в ту сторону, куда обращен левый борт. Господин капитан велел передать, чтобы вы направились в Вуллир. Найдете леди Дорну. Плывите вниз по Егену, и к полудню пересечете границу с Вулховами. Там спросите, как попасть в столицу. Все, быстрее!

Слов постарался впечатать в память все, что сказал незнакомец. Вуллир. Леди Дорна. Все-таки капитан не подвел! Не бросил их! На какое-то мгновение ему стало стыдно за те мысли, которые приходили в голову насчет Горела Сама. Интересно, что чувствует Фарри, еще недавно всячески поносивший человека, который теперь, как оказалось, спас их?

Фарри не заставил себя долго упрашивать. Он метнулся к борту и, лишь нашарив канат, которым была привязана лод-

ка, ужом скользнул вниз. Лодка опасно накренилась, и Фарри сохранил равновесие только благодаря тому, что не выпустил из рук канат. Аккуратно, исследуя дно лодки ногами, нашарил большой узел и сел возле него. Спустя мгновение в лодке оказался Слов, чуть не севший брату на голову. Зато им обоим на голову приземлился канат, сброшенный сверху. Баржа стала потихоньку удаляться.

– Свободны! – выдохнул Фарри.

– Гребь! – Слов бросил в руки брату весло. – Потом поговорим.

Из огромной черной стены, нависающей над братьями, баржа понемногу превратилась в еле видневшуюся вдали тень. Братья гребли изо всех сил, стараясь оставить между своей лодкой и баржей как можно большее расстояние. Гребли молча, лишь хрипло дыша.

– Сбежали! – разнесся над водой приглушенный расстоянием крик.

На барже вспыхнул один огонек, второй, третий... Неразборчивые крики доносились до ушей Фарри и Слова, пробиваясь сквозь шум крови в висках и хрипы легких. Лодка словно летела на крыльях, чуть не выпрыгивая из воды.

– Хватит! – прохрипел Фарри, когда от баржи остался лишь далекий огонек. – Давай передохнем!

Слов не успел ответить. С громким треском нос их лодки во что-то врезался. Они гребли, сидя спиной по ходу движения, и не видели ничего впереди. От сильного удара братьев

швырнуло на дно. Они забарахтались, пытаясь занять хоть какое-то нормальное положение и при этом не опрокинуть лодку.

– Что там? – крикнул кто-то сверху.

Яркий свет фонаря, на время ослепив братьев, упал на лодку.

– Два каких-то придурка на лодке! – Другой голос, чуть грубее первого. – Эй вы! А ну поднимайтесь на борт!

Слов попытался отпихнуть лодку от борта большой яхты, в которую они врезались, веслом.

– Поднимайтесь, говорю! – прикрикнули сверху. Усиливая весомость приказа, узнаваемо закрипели натягиваемые тетивы луков. – Стрелять будем!

Слов зло бросил весло на дно лодки.

– А я говорил, что нечего так жилы рвать, – покачал головой Фарри. Подняв голову кверху, он крикнул: – Бросайте веревки! По борту нам, что ли, карабкаться?

– Ты еще покомандуй! – проворчал голос, но спустя несколько секунд конец веревки упал Фарри на голову.

Парень ловко привязал лодку и дернул веревку, проверяя, как она закреплена наверху.

– Полезли? – вздохнул он и принялся перебирать руками, подтягиваясь вверх.

Перевалившись через борт, Фарри только и успел, что бросить быстрый взгляд на окружающее. Правда, рассмот-

рел он совсем немного – желтоватый свет фонаря выхватил из мрака ночи лишь пятерых мужчин, одетых в кольчуги, с луками в руках, да доски. Вот как раз доски Фарри удалось рассмотреть во всех подробностях. Парень не успел еще утвердиться на ногах, как его уложили лицом в эти самые доски, да еще и припечатали каблуком в спину, для верности. Спустя несколько секунд к брату присоединился и Слов.

– И что же у нас здесь? – Каблук еще более вдавился Фарри в спину. – Два слепых негодяя, которые не могут рассмотреть борт яхты под самым носом?

– Так темно же... – Фарри охнул от удара по ребрам. Не сильного, стоит сказать, однако довольно чувствительного. Нога, прижимающая его к палубе, тоже никуда не делась.

– И куда же вы так летели? – невозмутимо продолжил голос.

– Бронни, а может, эти двое сбежали с той баржи? – спросил кто-то. – Помнишь, только что там тревогу подняли?

– Тогда негодяям не повезло, – хмыкнул первый голос. Видимо, тот самый Бронни. – Клест, что там в лодке?

– Сейчас! – донеслось снизу. Похоже, пока братьев «приветствовали», кто-то уже отправился осмотреть их лодку.

Фарри вывернул голову, стараясь увидеть хоть что-то, кроме выскобленных до белизны досок палубы. Сразу же он наткнулся на взгляд брата. Слов лежал в шаге от него. Судя по выражению лица, он был в ярости. Редкое выражение на лице Слова. Очень редкое. Фарри мог пересчитать по паль-

цам все случаи за всю их жизнь, когда брат был так зол. Даже после визита к мэтру Совину, даже в тюрьме Слов был скорее обижен, чем зол. Сейчас же его глаза просто сверкали в свете фонаря, а челюсти двигались так, что Фарри удивился, не услышав скрежета зубов. Видимо, черед неувезений, свалившаяся на их несчастные головы, окончательно вывела Слова из равновесия. Всегда спокойный, рассудительный... Фарри испугался, что Слов сейчас выкинет какую-нибудь штуку, которая может очень дорого обойтись им обоим.

– Ног уйбери! – Словно подтверждая мысли брата, Слов не сказал – прорычал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.